

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ПУШКИНЪ

ЮБИЛЕЙНЫЙ АЛЬБОМЪ

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ со дня рожденія поэта

1799—1899

Содержаніе:

1. **Муза Пушкина.** Стихотвореніе **С. Г. Фруга.**

2. **Жизнь Пушкина.** Родословная Пушкина и дѣтскіе годы. Пушкинъ въ лицеѣ. Двадцатые годы. Въ селѣ Михайловскомъ. Женитьба Пушкина. Кончина поэта. Біографическій очеркъ **В. Я. Свѣтлова** (съ 54 портретами, видами, картинами и рисунками).

3. **Произведенія Пушкина** (съ 51 иллюстраціею).

4. **Значеніе Пушкина.** Очеркъ **Р. И. Сементковскаго.**

Табурин

СПБ. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА

Изъ воспоминаній о Пушкинѣ.

А. О. Смирнова, въ своихъ извѣстныхъ запискахъ даетъ такой [illegible] я видѣла «язвительнаго» Пушкина. Я разговаривала съ Р.; онъ до смерти надоѣлъ мнѣ, и я ушла отъ него въ столовую. Я увидала, что вошелъ незнакомый молодой человѣкъ, невысокій... Меня поразило то, какъ онъ вошелъ, поразили его непринужденность, оригинальность, развязность, прекрасныя манеры (онъ отлично кланяется). Я спросила у Б., кто это? Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Должно-быть какой-нибудь москвичъ, потому что я его не знаю».

«Незнакомецъ быстро прошелъ черезъ залу, въ гостиную, гдѣ сидѣли серьезные люди. Я замѣтила, что онъ отлично держится, закидываетъ голову назадъ, что у него густые, вьющіеся волосы, но не такіе длинные, какъ у Хомякова, и онъ не такой смуглый, какъ Хомяковъ. Я спросила Софи Карамзину, кто это пришелъ сейчасъ? Она отвѣтила мнѣ: «Маленькій, блѣдный, курчавый? Значитъ — Пушкинъ».

«Мы рѣшили, что пора танцовать мазурку, такъ какъ фортепіано уже настроено и С. В. должна пожертвовать собою и играть. Вошла Катерина Андреевна, позвала меня и сказала:

«— Представляю вамъ Пушкина, онъ проситъ васъ на мазурку.

«Я согласилась. Меня забавляло танцовать съ «фениксомъ». У него голубые глаза съ сѣрымъ оттѣнкомъ; когда зрачки расширяются, то глаза кажутся черными. Странные глаза: они мѣняютъ цвѣтъ, глаза говорящіе. Его волосы вьются, но они не черные и не курчавые. Зубы—поразительной бѣлизны и, когда онъ смѣется, всѣ они видны. Губы полныя, но не очень толстыя. Въ немъ нѣтъ ничего негритянскаго. Воображаютъ, что онъ непремѣнно долженъ походить на негра, потому что его предокъ Ганнибалъ — негръ. (Я видѣла его портретъ въ Петергофѣ). Но Ганнибалъ не негръ, а абиссинецъ; у него были правильныя черты, лицо длинное и сухое, выраженіе жесткое, но интеллигентное. Софи Карамзина говорила мнѣ, что Пушкинъ до двѣнадцати лѣтъ былъ блондиномъ и потемнѣлъ уже позже. Его мать бѣлокурая и хотя происходила отъ Ганнибала, но ничѣмъ не напоминала негритянку. Ея братъ и сестры не брюнеты и не смуглые. У Пушкина прекрасныя руки съ очень тонкими пальцами. Онъ для танцевъ надѣлъ перчатки. Онъ простой, но элегантный; отлично держитъ себя, танцуетъ дурно, *очень дурно* и смѣется, какъ ребенокъ. У него грустная и добрая улыбка; голосъ очень пріятный: въ этомъ голосѣ есть что-то откровенное. Время отъ времени онъ насмѣшливо улыбается».

К. А. Тимоѳѣевъ побывалъ въ 1859 г. въ селѣ Михайловскомъ. Вотъ какъ онъ описываетъ свою бесѣду съ кучеромъ Пушкина:

«Длинная аллея старыхъ елей тянется отъ полуразрушенной бесѣдки до домика Пушкина.

«Мы заранѣе навели справки, есть ли въ усадьбѣ кто-нибудь изъ дворовыхъ, кто бы помнилъ Пушкина. Оказалось, живъ еще одинъ старикъ Петръ, служившій кучеромъ у Александра Сергѣевича. Отыскали Петра. Старикъ онъ лѣтъ за 60, еще бодрый, говоритъ хорошо, толково, и, какъ видно, очень понимаетъ, что за генералъ былъ его баринъ. «Увидѣть барскій домъ нельзя ли?» сказалось само собою, потому что здѣсь какъ-то сами собою навертываются стихи изъ «Онѣгина». Ну, покажи намъ, Петръ, гдѣ тутъ больше проводилъ время твой покойный баринъ,

Гдѣ почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Приказчика доклады слушалъ?

«— Э, батюшка, нашъ Александръ Сергѣичъ никогда этимъ не занимался: всѣмъ староста завѣдывалъ: а ему, бывало, все равно, хошь мужикъ спи, хошь пей: онъ въ эти дѣла не входилъ. А жилъ онъ вотъ тутъ, пожалуйте.

«Мы вошли въ прихожую, отворяемъ дверь въ залъ... Нѣтъ, лучше бы туда и не заглядывать! Къ чему въ нашемъ суровомъ, всеразрушающемъ климатѣ романтическія желанія—побывать въ той самой комнатѣ, отдохнуть на томъ самомъ креслѣ, гдѣ сиживалъ Пушкинъ, гдѣ шла оживленная бесѣда его съ друзьями, гдѣ онъ слушивалъ сказки своей няни. Мы не въ Англіи, Пушкинъ—не Байронъ, чтобы его кресло хранилось, какъ святыня, чтобы то оконное стекло, на которомъ нацарапано имъ четверостишіе, цѣнилось сотнями фунтовъ стерлинговъ и все-таки изъ поколѣнія въ поколѣніе оставалось собственностью домовладѣльца. Мы слишкомъ благовоспитаны, чтобъ дорожить подобными пустяками; въ нашей натурѣ, кромѣ лѣни, есть еще и практичность: мебель намъ нужна въ городѣ, въ жиломъ домѣ, а не въ пустырѣ, куда никто не заглянетъ; бревна нужны на мельницу, лѣсъ на дрова, а вовсе не на то, чтобы во время чинить историческую крышу. И вотъ черезъ 22 года послѣ смерти поэта крыша провалилась, балки перегнили, потолокъ обрушился, подъ стропилами, на перекресткѣ двухъ жердей, въ углу сидитъ сова, эмблема мудрости, единственная поэтическая принадлежность, которую мы нашли въ жилищѣ поэта.

«— Гдѣ же тутъ былъ кабинетъ Александра Сергѣича?

«— А вотъ тутъ все у него было: и кабинетъ, и спальня, и столовая, и гостиная.

«Смотримъ: комната въ одно окно, сажени въ три, квадратная.

«— Тутъ у него столикъ былъ подъ окномъ. Коли дома, такъ все онъ тутъ, бывало, книги читалъ, и по ночамъ читалъ: спитъ, спитъ, да и вскочитъ, сядетъ писать; огонь у него тутъ безпереводно горѣлъ.

«— Такъ ты его, старикъ, хорошо помнишь?

«— Какъ не помнить; я здѣсь у него кучеромъ служилъ, я его и въ Михайловское-то привезъ со станціи, какъ онъ сюда изъ Одессы былъ вытребованъ.

«— А няню его помнишь? Правда ли, что онъ ее очень любилъ?

«— Арину-то Родіоновну? Какъ же еще любилъ-то, она у него вотъ тутъ и жила. И онъ все съ ней, коли дома. Чуть встанетъ утромъ, ужъ и бѣжитъ ее глядѣть: «здорова ли, мама?»—онъ ее все *мама* называлъ. А она ему, бывало, этакъ нараспѣвъ (она вѣдь изъ-за Гатчины была у нихъ взята, съ Суйды, тамъ этакъ всѣ пѣвкомъ говорятъ): «батюшка ты, за что меня все мамой зовешь, какая я тебѣ мать».—«Разумѣется, ты мнѣ мать: не то мать, что родила, а то, что своимъ молокомъ вскормила».—И уже чуть старуха занеможетъ тамъ что ли, онъ ужъ все за ней.

«Изъ развалинъ дома мы перешли въ уцѣлѣвшую баню, при которой есть чистая комната съ мебелью. Петръ промыслилъ намъ у дворовыхъ самоваръ, и за чаемъ продолжалась наша съ нимъ бесѣда.

«— Скучалъ онъ тутъ жить-то?

«— Да, стало-быть, скучалъ; не поймешь его, впрочемъ, мудреный онъ тутъ былъ, скажетъ иногда не вѣдь что, ходилъ этакъ чудно: красная рубашка на немъ, кушакомъ подвязана, штаны широкіе, бѣлая шляпа на головѣ: волосъ не стригъ, ногтей не стригъ, бороды не брилъ — подстрижетъ этакъ макушечку, да и ходитъ. Палка у него завсегда желѣзная въ рукахъ, девять фунтовъ вѣсу; уйдетъ въ поля, палку кверху бросаетъ, ловитъ ее на-лету, словно тамбуръ-мажоръ. Ярмарка тутъ въ монастырѣ бываетъ въ девятую пятницу передъ Петровками; ну, народу много собирается; и онъ туда хаживалъ, какъ есть, бывало, какъ дома: рубаха красная, не бритъ, не стриженъ, чудно такъ, палка желѣзная въ рукахъ; придетъ въ народъ, тутъ гулянье, а онъ сядетъ на земь, соберетъ къ себѣ нищихъ, слѣпцовъ, они ему пѣсни поютъ, стихи сказываютъ. Такъ вотъ было разъ, еще спервоначалу, пріѣхалъ туда капитанъ-исправникъ на ярмарку: ходитъ, смотритъ, что за человѣкъ чудной въ красной рубахѣ съ нищими сидитъ? Посылаетъ старосту спросить: кто-молъ такой? А Александръ-то Сергѣичъ тоже на него смотритъ, зло такъ, да и говоритъ этакъ скоро (грубо такъ онъ всегда говорилъ): «Скажи капитану-исправнику, что онъ меня не боится, и я его не боюсь, а если надо ему меня знать, такъ я—Пушкинъ». Капитанъ ничего не взялъ, съ тѣмъ и уѣхалъ, а Александръ Сергѣичъ бросилъ слѣпцамъ бѣленькую, да тоже домой пошелъ».

Представляя государю рукописи Пушкина, Бенкендорфъ иногда прилагалъ къ нимъ и краткій очеркъ содержанія и даже критическій отзывъ о представляемомъ произведеніи. Эти приложенія писались лицами, пользовавшимися почему бы то ни было довѣріемъ Бенкендорфа.

Въ февралѣ 1827 года баронъ Дельвигъ, по порученію автора, представилъ Бенкендорфу «пять сочиненій Пушкина: поэму «Цыгане», два отрывка изъ третьей главы «Онѣгина», «19 октября» и «къ ***». Разрѣшая ихъ печатать, съ нѣкоторыми ограниченіями, Бенкендорфъ, очевидно, руководствовался слѣдующими, составленными по его приказанію «примѣчаніями»:

«1) Въ «*Цыганахъ*», хотя и говорится о свободѣ и вольности, или, лучше сказать, хотя въ сей пьесѣ упоминаются сіи слова, но это не стремленіе къ воспламененію умовъ, не политическая свобода и вольность (такъ-называемыя), но вольность цыганской бездомной жизни, свобода степей. Безъ всякаго сомнѣнія, сколь ни будетъ хорошо описана цыганская жизнь и нравы кочующихъ, никто не броситъ своего и не промѣняетъ жизнь городскую на цыганскую.

«Это лучшее произведеніе Пушкина въ литературномъ отношеніи — въ родѣ Байрона.

«2) a) «*Ночной разговоръ Татьяны съ няней*», b) «*Письмо Татьяны*», c) «*Къ ****»—ничего не заключаютъ, что бы могло возбудить малѣйшую тѣнь двусмыслія.

«3) «*19-е октября*»—для публики можетъ быть будетъ и незначущею пьесою—но *заглавныя буквы друзей* — для тѣхъ, кто знаетъ, о комъ говорится—лишни. Также вовсе не нужно говорить о своей *опалѣ, о несчастіяхъ* — когда авторъ не былъ въ ономъ; но былъ милостиво и отечески оштрафованъ—за такіе проступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію».

На основаніи этихъ замѣтокъ, составлено письмо Бенкендорфа къ Пушкину, 4-го марта 1827 года: «Баронъ Дельвигъ, котораго я вовсе не имѣю чести знать, препроводилъ ко мнѣ пять сочиненій вашихъ, я не могу скрыть вамъ крайняго моего удивленія, что вы избрали посредника въ сношеніяхъ со мною, основанныхъ на Высочайшемъ соизволеніи.

«Я возвратилъ сочиненія ваши г. Дельвигу и поспѣшаю васъ увѣдомить, что я представлялъ оныя государю императору.

«Произведенія сіи, изъ коихъ одно даже одобрено уже цензурою, не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ. Позвольте мнѣ одно только примѣчаніе: заглавныя буквы друзей въ пьесѣ «19-е октября» не могутъ ли подать повода къ неблагопріятнымъ для васъ собственно заключеніямъ?—Это предоставляю вашему разсужденію».

О «Борисѣ Годуновѣ» представлены Бенкендорфомъ государю слѣдующія «замѣчанія» и выписки»:

«*Цѣль піесы* — показать историческія событія въ естественномъ видѣ, въ нравахъ своего вѣка.

«*Духъ цѣлаго сочиненія*—монархическій, ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именно потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые бояре увлекаются честолюбіемъ—но такъ говоритъ исторія. Имена почти всѣ историческія.

Александръ Сергѣевичъ

ПУШКИНЪ.

1799. 26 мая. 1899.

Муза Пушкина.

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ незабвенныхъ дней,
Когда, чтобъ вызвать отзвукъ струнъ сердечныхъ,
Явился нашей лиры чародѣй,
Глашатай красоты и правды вѣчныхъ.
Онъ нашимъ дѣдамъ пѣлъ, но свой завѣтъ—
Завѣтъ, какъ жизнь, какъ молодость, какъ свѣтъ,
Чарующихъ и сладкихъ вдохновеній—
Онъ далъ пѣвцамъ грядущихъ поколѣній;
И звуки дивной Пушкинской струны,
Казалось,—вѣчно бодры, вѣчно юны—
На долгія столѣтія должны
Запечатлѣть родныя струны.

Но, муза русская! Тобой
Исполненъ ли завѣтъ его святой?

Творящей силой чудныхъ вдохновеній
Была обильна молодость твоя;
Но кратокъ былъ—увы!—расцвѣтъ весенній
Какъ солнце лѣта, засіялъ твой геній
И догорѣлъ, какъ зимняя заря.
Съ вершины той, гдѣ алтари сіяли,
Сошла ты въ долъ, объятый сномъ и тьмой,
И пѣснью мрачной гнѣва и печали
Раздался скорбный голосъ твой.
Твоя лампада робко замерцала;
Цвѣты упали съ блѣднаго чела;
Но лирѣ скорбной родина внимала:
Ту пѣсню красота не озаряла,
Но все же правда, правда въ ней была.
И вѣчный миръ душѣ поэта,
И память свѣтлая тому,
Кто пѣлъ ее, хоть проблескъ свѣта
Вливая въ нашу вѣковую тьму...

Гдѣ-жъ ты теперь, великая, благая?
Гдѣ ясный взоръ, гдѣ образъ милый твой?
Ужели та, безумная, слѣпая,
Съ безкровнымъ тѣломъ, съ блѣдною душой,
Изъ-за моря причудой нездоровой
Къ намъ занесенная,—ужель
Она властна плѣнить насъ пѣснью новой?
Ей отдала ты свой вѣнецъ лавровый,
Свою волшебную свирѣль?..

О, нѣтъ! Возстань, желанная, воскресни!
Какъ небо юга—въ борозды полей,
Въ упавшій голосъ нашей пѣсни
Ты снова жизнь и силу влей.
Воскресни, дивная! И пѣснь твоя живая
Да зазвучитъ надъ чуткою толпой,
Безсмертьемъ Пушкина вѣнчая
И Пушкинымъ вѣнчая край родной...

С. Фругъ.

Жизнь Пушкина.

I.

Родословная Пушкина и дѣтскіе годы.

Сто лѣтъ истекаетъ съ тѣхъ поръ какъ родился Пушкинъ. Въ знаменательные дни этого вѣкового юбилея кто не пожелаетъ вспомнить жизнь поэта, воскресить въ памяти его вдохновенный образъ и то общество, среди котораго ему пришлось жить, творить и трагически погибнуть?

Предлагаемый здѣсь очеркъ имѣетъ цѣлью придти въ этомъ отношеніи на помощь читателю.

Пушкинъ, съ отцовской стороны, принадлежа къ старинному русскому дворянскому роду, упоминаемому въ лѣтописяхъ еще со временъ Іоанна Грознаго, съ материнской стороны имѣлъ прадѣдомъ негра Ганнибала. Въ біографіи Ганнибала многое осталось до сихъ поръ невыясненнымъ, однако извѣстно, что онъ былъ сыномъ владѣтельнаго князька, былъ, семи лѣтъ отъ роду, похищенъ и препровожденъ аманатомъ (заложникомъ) въ Константинополь, откуда отосланъ русскимъ посланникомъ въ подарокъ Петру Великому, любившему всякіе «раритеты» и курьезы. Въ память славнаго карѳагенянина, молодой негръ получилъ прозвище Ганнибала и принялъ православіе; крестнымъ отцомъ его былъ самъ царь, давшій ему свое отчество и имя Абрама, по созвучію съ нехристіанскимъ именемъ Ибрагима; крестной матерью его была королева польская. Молодой арапченокъ спалъ въ царской комнатѣ и сопровождалъ Петра во всѣхъ его походахъ, а въ 1716 г. поѣхалъ съ нимъ во Францію, гдѣ и остался учиться, посту-

пилъ во французскую армію, былъ раненъ въ Испаніи и дослужился до чина капитана. По возвращеніи Абрама въ Россію, царь опредѣлилъ его въ бомбардирскую роту. Послѣ смерти своего покровителя, Ганнибалъ присоединился къ партіи возмутившихся противъ всесильнаго Меншикова и былъ удаленъ въ Сибирь; только въ 1730 г. его перевели маіоромъ въ Тобольскій гарнизонъ, потомъ капитаномъ въ инженерный корпусъ.

Въ царствованіе Елисаветы, Ганнибалъ быстро возвысился, дослужился до званія камергера; въ 1762 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-аншефа. Говорятъ, Суворовъ былъ обязанъ ему возможностью избрать военную карьеру, потому что Ганнибалъ убѣдилъ отца будущаго полководца уступить наклонностямъ сына. Въ 1781 г. Ганнибалъ умеръ.

Изъ его шести дѣтей самымъ выдающимся былъ Иванъ Абрамовичъ, принимавшій участіе въ морейской экспедиціи, отличившійся подъ Чесмою, взявшій Наваринъ и основавшій гор. Херсонъ. Умеръ онъ въ 1801 г., тоже въ чинѣ генералъ-аншефа.

Старикъ Ганнибалъ не любилъ другого своего сына Осипа, отличавшагося крутымъ нравомъ. Осипъ Абрамовичъ былъ женатъ на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной и имѣлъ дочь Надежду; по смерти мужа, Марья Алексѣевна дала дочери блестящее воспитаніе, вывозила ее въ свѣтъ, въ высшее петербургское общество, пользуясь покровительствомъ крестнаго отца дѣвушки, Ивана Ганнибала. Молодая и красивая креолка имѣла успѣхъ въ этомъ обществѣ и скоро вышла замужъ за гвардейскаго офицера, Сергѣя Львовича Пушкина.

Отъ этого брака родился нашъ великій поэтъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, который далъ намъ нѣсколько опоэтизированную біографію своего прадѣда въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго» и свою родословную— въ сатирическомъ стихотвореніи «Моя родословная или русскій мѣщанинъ». Дѣлая въ немъ намеки на темное

Прадѣдъ Пушкина. Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. По фот. съ портрета, хранящагося въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, авт. «Нивы».

Дѣдъ Пушкина: Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ. По фот. съ портрета, хранящагося у А. С. Перфильевой, автотипія «Нивы».

происхожденіе нѣкоторыхъ знатныхъ русскихъ родовъ, онъ говоритъ:

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ;
Куда-жъ мнѣ быть аристократомъ—
Я, слава Богу,—мѣщанинъ.
. . . .
Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ.
И, не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я—неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто,—не Мусинъ.
Я самъ большой, не царедворецъ:
Я—грамотѣй, я—мѣщанинъ.

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, получилъ блестящее, по тѣмъ временамъ, образованіе, владѣлъ въ совершенствѣ французской прозой и стихами, перечиталъ чуть не всю французскую литературу XVII и XVIII вѣковъ и всю жизнь питалъ настоящую страсть къ необременительнымъ умственнымъ занятіямъ; но былъ очень непрактиченъ въ жизни, и тяготился службой гвардейскаго поручика. Въ 1796 году онъ женился, подалъ въ отставку, чтобы имѣть возможность жить на свободѣ. 20-го декабря 1797 г. у него родилась дочь Ольга (впослѣдствіи—Павлищева). Затѣмъ онъ переселился въ деревню, въ подмосковное имѣнье тещи—с. Захаровку. Но онъ терпѣть не могъ деревни, передалъ управленіе имѣньемъ приказчикамъ, которые его безпощадно обкрадывали, а самъ проводилъ все время въ чтеніи. Дома онъ былъ вспыльчивъ и раздражителенъ, зато въ гостяхъ обворожителенъ и веселъ. По выраженію Анненкова, у него не было времени для собственныхъ дѣлъ, потому что онъ слишкомъ усердно занимался чужими. Всѣ знакомые любили его, а его собственныя дѣти, когда подросли, относились къ нему съ снисходительностью, какъ къ маленькому ребенку. Его любимой фразой была: — «que la volonté du Ciel soit faite»,—синонимъ эгоистическаго индифферентизма ко всему на свѣтѣ.

недоставало продолжительныхъ, ровныхъ усилій вниманія. Къ тому же въ характерѣ его было какое-то нежеланіе высказывать и тѣ познанія, которыя онъ пріобрѣлъ... Въ лицеѣ основныя черты характера Пушкина развернулись очень

Пушкинъ-мальчикъ. Съ совр. гравюры Гейтмана грав. Іерике.

скоро...—съ одной стороны обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой—расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его французомъ за его превосходное знаніе французскаго языка; но въ этомъ эпитетѣ скрывалось нерасположеніе товарищей къ живому и задорному мальчику... Только Дельвигъ зналъ его душу, сильно расположенную къ пріязни и откровенности».

Первымъ стихотвореніемъ Пушкина на русскомъ языкѣ, написаннымъ имъ въ лицеѣ, было «Посланіе къ сестрѣ», а первымъ напечатаннымъ — «Къ другу стихотворцу», появившееся въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1814 году.

Пушкинъ сдѣлался душою лицейскаго кружка новеллистовъ и поэтовъ, въ числѣ которыхъ были Илличевскій, Дельвигъ и Кюхельбекеръ; они собирались по вечерамъ и сочиняли экспромтомъ стихи и разсказы, отличавшіеся подражаніемъ любовной и вакхической лирикѣ русскихъ учениковъ и продолжателей Горація. Такимъ образомъ Пушкинъ больше всего подражалъ Батюшкову, Жуковскому и Василію Пушкину, которому далъ прозвище «парнасскій дядя», Въ стихотворномъ письмѣ къ дядѣ, который назвалъ его однажды своимъ братомъ по Парнасу, онъ пишетъ:

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ рифмъ вакхическихъ еще шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы—дядя мой и на Парнасѣ.

Царскосельскій лицей, гдѣ воспитывался Пушкинъ.

На публичномъ экзаменѣ, въ 1815 г., шестнадцатилѣтній Пушкинъ привелъ въ восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ стихотвореніемъ «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ».

Въ послѣдней строкѣ этого стихотворенія юноша Пушкинъ принесъ даръ своего восхищенія поэту Державину, присутствовавшему на экзаменѣ:

О, скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгремп на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

Пушкинъ-лицеистъ. Съ портрета, принадлежавшаго Е. А. Энгельгарду, грав. Іерике.

Державинъ, вставъ съ мѣста, склонилъ передъ Пушкинымъ свою сѣдую голову и хотѣлъ обнять его, но молодой поэтъ былъ очень смущенъ и скрылся такъ, что его долго не могли отыскать.

Къ тому же періоду относится и стихотвореніе «Подъ вечеръ осени ненастной», сдѣлавшееся почти народною пѣснью и перепечатывавшееся въ 20-хъ годахъ на лубочныхъ листахъ.

Всѣ эти опыты привели къ тому, что Пушкина стали знать и внѣ стѣнъ лицея, а это измѣнило на него взглядъ его родителей, только что переселившихся въ Петербургъ на постоянное жительство. Жуковскій и Батюшковъ заѣзжаютъ къ нему въ лицей, совѣтуютъ ему, ободряютъ его. Профессора смотрятъ на него какъ на будущую знаменитость, товарищи распѣваютъ хоромъ его пьесы, положенныя на музыку. Извѣстность его растетъ и доходитъ до того, что въ 1816 г. лирикъ Нелединскій-Мелецкій, которому императрица Марія Ѳеодоровна поручила написать стихи на обрученіе великой княжны Анны Павловны, прямо отправляется въ Лицей и *заказываетъ*

стихотвореніе Пушкину, который и оканчиваетъ его черезъ два часа.

На обѣдѣ у министра народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскаго, о Пушкинѣ уже шелъ общій и горячій разговоръ. Всѣ предсказывали ему большую славу. Гр. Разумовскій обратился къ Сергѣю Львовичу Пушкину и сказалъ:

— Я бы желалъ, однакоже, образовать сына вашего къ прозѣ.

Но Державинъ съ жаромъ и запальчивостью возразилъ ему:

— Оставьте его поэтомъ!

Въ стѣнахъ лицея Пушкинъ успѣлъ написать сто двадцать лицейскихъ стихотвореній и задумать и начать первую свою поэму «Русланъ и Людмила». Въ маѣ 1817 г. состоялись выпускные экзамены лицеистовъ, на одномъ изъ которыхъ Пушкинъ читалъ свое стихотвореніе «Безвѣріе»; но научные его отвѣты были плохи, и онъ былъ выпущенъ 19-мъ ученикомъ съ чиномъ X класса. Его другъ Дельвигъ окончилъ курсъ предпослѣднимъ.

Во время пребыванія въ лицеѣ, благодаря существовавшей тамъ свободѣ, Пушкинъ и другіе лицеисты сблизились съ обществомъ офицеровъ гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ; конечно, это было малоподходящее общество для молодыхъ лицеистовъ, предававшихся кутежамъ съ военной молодежью; однако, среди лейбъ-гусаръ Пушкинъ сошелся съ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей эпохи—съ П. Я. Чаадаевымъ, имѣвшимъ большое и благотворное на него вліяніе. Чаадаеву посвящено нѣсколько стихотвореній Пушкина, въ которыхъ онъ съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ о дружбѣ своей съ нимъ:

...Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда—мудрецъ, а иногда—мечтатель
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры...

Князь А. М. Горчаковъ. Рис. **В. Шпакъ,** грав. Вейерманъ.

Эти отношенія къ гусарскому полку возбудили въ Пушкинѣ одно время желаніе поступить на военную службу, но отецъ его не соглашался на это, въ виду недостатка средствъ, а дядя совѣтовалъ предпочесть гражданскую службу. Поэтъ

П. Я. Чаадаевъ. По портрету, хранящемуся у А. А. Венкстернъ, автотипія «Нивы».

Баронъ А. А. Дельвигъ.
Съ современнаго портрета грав. Нейманъ.

вскорѣ отказался отъ своего намѣренія, хотя и обращался къ дядѣ съ вопросомъ:

Скажи, парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрный музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладанъ Аполлону даромъ,
За честь не можетъ безъ стыда
Жечь порохъ наравнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?

Однако, вскорѣ онъ самъ сталъ шутить надъ собой и надъ своимъ желаніемъ «красиво мерзнуть на парадѣ». Но его очень влекло на волю, вонъ изъ лицея, и онъ писалъ за годъ до выпуска кн. П. А. Вяземскому, извѣстному поэту, критику и журналисту: «еще цѣлый годъ плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго... Безбожно молодого человѣка держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную академію и бесѣду губителей россійскаго слова»

Князь П. А. Вяземскій. По соврем. литографіи автотипія «Нивы».

III.

Двадцатые годы.

Пушкинъ былъ выпущенъ изъ лицея по второму разряду, зачисленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и получилъ жалованье въ 700 р.

«Вышедъ изъ лицея», — пишетъ Пушкинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ: — «я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался я сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч., но все это нравилось мнѣ не долго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу».

Вернувшись изъ отпуска въ Петербургъ, Пушкинъ сталъ вести шумную, безпорядочную жизнь, полную разнообразныхъ впечатлѣній. Однако, онъ продолжалъ работать и дописывать «Руслана и Людмилу», которую и читалъ на литературныхъ вечерахъ Жуковскаго. Когда Пушкинъ прочелъ послѣднюю пѣсню своей первой поэмы, Жуковскій подарилъ ему свой портретъ съ слѣдующей надписью: «Ученику-побѣдителю, отъ побѣжденнаго учителя, въ высокоторжественный день окончанія «Руслана и Людмилы». Поэма была издана въ 1820 г. съ посвященіемъ «Красавицамъ». Появленіе поэмы было встрѣчено съ восторгомъ публикой и большинствомъ литературныхъ знаменитостей того времени — Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Крыловымъ, кн. Вяземскимъ и другими. Но были и недовольные, какъ, напр., И. Дмитріевъ, пришедшій вмѣстѣ съ критиками того времени въ ужасъ отъ введенія сказочнаго элемента въ возвышенную область поэзіи.

Самъ авторъ продолжаетъ вести разсѣянную жизнь, но въ то же время не перестаетъ работать: усердно посѣщаетъ литературный кружокъ «Арзамасъ», Катенина, который отучилъ его отъ «односторонности литературныхъ мнѣній, а односторонность есть пагуба мысли», субботы Жуковскаго, домъ Карамзина, на котораго однако писалъ эпиграммы. Тѣмъ не менѣе, полгода спустя онъ «съ жадностью и вниманіемъ» читаетъ «Исторію Государства Россійскаго»; пишетъ стихи, совершенствуя ихъ форму и силу выраженій. Кн. Вяземскій сообщаетъ о нихъ Жуковскому: — «Стихи чертенка - племян-

Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гнѣдичъ. Картина академика Г. Г. Чернецова. Грав. Іерике.

Домъ Инзова въ 1880 г. Домъ Инзова въ 1854 г.
Со стараго наброска рис. Н. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

Домъ Инзова въ Кишиневѣ, когда въ немъ жилъ Пушкинъ.

Домъ Инзова въ Кишиневѣ, въ которомъ жилъ Пушкинъ. Со старин. рисунка грав. М. Рашевскій.

А Пушкинъ

1) Скала Пушкина. 2) Ель, подъ которой жилъ А. С. Пушкинъ. 3) Гротъ Пушкина. 4) Кипарисъ Пушкина противъ южнаго фасада дома. 5) Аю-Дагъ при лунномъ свѣтѣ. 6) Платанъ Пушкина. 7) Видъ съ моря на паркъ и Айду. 8) Крѣпость Гурзуфъ. 9) Адалары (острова-камни).

Виды Гурзуфа. По рисункамъ Э. Магдесіана грав. М. Рашевскій.

ника чудесно-хороши. Я все отдалъ бы за него—движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ его посадить въ желтый домъ: не то этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ». Но Пушкинъ все еще недоволенъ собой и все еще «объятъ тоской за чашей ликованья».

Разсѣянная жизнь довела поэта до того, что онъ два раза лежалъ въ горячкѣ. Все это вызывало и разстройство денежныхъ дѣлъ.

Приближался роковой для Пушкина 1820-ый годъ.

Среди его знакомыхъ и пріятелей было нѣсколько декабристовъ, къ которымъ, впрочемъ, самъ Пушкинъ не принадлежалъ; но онъ сочувствовалъ вольнолюбивымъ идеямъ и выражалъ это сочувствіе не только въ разговорахъ, но и въ стихахъ, которые быстро распространялись среди молодежи.

Гр. Милорадовичъ, тогдашній генералъ-губернаторъ, неожиданно вызвалъ Пушкина къ себѣ и приказалъ при немъ полицеймейстеру ѣхать къ поэту на квартиру и сдѣлать обыскъ. Пушкинъ заявилъ, что истребилъ все опасное.

— Графъ, — сказалъ онъ:—вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, чего ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу.

Ему принесли требуемое, и онъ написалъ по памяти всѣ свои «вредныя» стихотворенія.

Это произвело хорошее впечатлѣніе, и Милорадовичъ воскликнулъ:

— Ah! c'est chevaleresque! — и пожалъ ему руку.

Говорятъ, Пушкину грозила ссылка въ Сибирь или въ Соловецкій монастырь. Но государь обратился за совѣтомъ къ Энгельгардту.

— Энгельгардтъ,—сказалъ онъ ему, встрѣтившись съ нимъ въ царскосельскомъ саду:—Пушкина надо сослать въ Сибирь:

Портретъ А. С. Пушкина, изданный I. I. Пашковымъ. Грав. Іерике.

Сельцо Михайловское. Съ литографіи [illegible] года

Арина Родіоновна.　　　Пушкинъ.　　　И. И. Пущинъ.

Пушкинъ въ Михайловскомъ. [illegible] Н. Н. Ге. Рис. [illegible] грав. [illegible]

онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь знаетъ ихъ наизусть. Мнѣ очень нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не мѣняетъ дѣла.

— Воля вашего величества,—отвѣтилъ государю Энгельгардтъ:—но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать два слова въ защиту бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій правъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше лучше всего вразумитъ его.

Всѣ друзья Пушкина поднялись за него горой. Чаадаевъ упросилъ Карамзина ходатайствовать о немъ передъ императрицей; хлопоталъ Жуковскій, президентъ академіи художествъ Оленинъ и другіе.

Карамзинъ упрекалъ поэта и читалъ ему наставленія.

— Можете ли вы, по крайней мѣрѣ,—въ концѣ-концовъ сказалъ онъ ему:—дать мнѣ слово, что въ продолженіе года не напишете ничего противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи.

— Я даю слово,—сказалъ Пушкинъ.

Хлопоты увѣнчались успѣхомъ, и поэтъ «для пользы службы» былъ переведенъ въ распоряженіе ген. Инзова, попечителя колонистовъ южнаго края.

Наталья Николаевна Гончарова (въ дѣтствѣ).
По портрету, хранящемуся у Д. Д. Гончарова, авт. «Нивы».

Взволнованный, но не упавшій духомъ, Пушкинъ помчался на перекладной по Бѣлорусскому тракту въ Екатеринославъ. Ему дали 1000 руб. на дорогу. Онъ былъ очень тронутъ великодушіемъ государя. Пушкинъ везъ Инзову письмо своего начальника гр. Каподистріа, который писалъ Инзову, выражая надежду, что изъ Пушкина, подъ его вліяніемъ, выйдетъ «прекрасный чиновникъ, или *по крайней мѣрѣ* перворазрядный писатель».

Въ Екатеринославѣ Пушкинъ встрѣтился съ своимъ петербургскимъ знакомымъ ген. Раевскимъ и его двумя дочерьми. Такъ какъ онъ опять заболѣлъ горячкой, то Инзовъ разрѣшилъ ему послѣ того предпринять въ обществѣ Раевскаго и семьи его путешествіе на Кавказъ и въ Крымъ для поправленія здоровья. «Моремъ пріѣхали мы въ Керчь»—пишетъ Пушкинъ своему брату Льву:—«а изъ Керчи въ Кефу (Өеодосію)... отсюда отправились мы, мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ Юрзуфъ (Гурзуфъ, принадлежавшій тогда герцогу Ришелье). Ночью на кораблѣ написалъ я элегію («Погасло дневное свѣтило»)... Въ Юрзуфѣ прожилъ я три недѣли... Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и прослушивалъ цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ, каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, исполненнымъ дружбы».

Пушкинъ увлекся одною изъ дочерей Раевскаго и чувство-

По акварельному портрету, хранящемуся у А. А. Пушкина, грав. Шюблеръ.

По портрету работы Мазера, хранящемуся у Н. Н. Подключникова, автотипія «Нивы».

Жена Пушкина. Наталья Николаевна (рожденная Гончарова).

валъ себя счастливымъ. Въ Гурзуфѣ онъ началъ писать «Кавказскаго плѣнника». Въ то время какъ молодой изгнанникъ путешествовалъ, Инзовъ былъ переведенъ въ Кишиневъ, куда долженъ былъ отправиться и Пушкинъ, побывавъ предварительно въ имѣніи матери Раевскаго. Изъ екатеринославскихъ воспоминаній у Пушкина остался лишь одинъ образъ, послужившій ему темой для поэмы «Братья-разбойники»: два скованные разбойника убѣжали изъ екатеринославской тюрьмы и переплыли въ цѣпяхъ вплавь Днѣпръ.

Въ Кишиневѣ Пушкинъ поселился сначала въ простой наемной мазанкѣ, а потомъ перебрался въ домъ Инзова, который очень тепло и сердечно относился къ поэту; Пушкинъ велъ въ Кишиневѣ вольную жизнь; посѣщалъ русское и туземное общество, ухаживалъ за дамами, посѣщалъ пирушки и игралъ въ карты; имѣлъ нѣсколько исторій и дуэлей. Послѣ одной изъ такихъ ссоръ Инзовъ послалъ Пушкина въ Измаилъ; по дорогѣ Пушкинъ встрѣтилъ цыганскій таборъ и присталъ къ нему, прокочевавъ съ нимъ довольно продолжительное время.

Ведя такую жизнь, поэтъ не переставалъ усиленно заниматься своимъ любимымъ дѣломъ. Онъ такъ много читалъ и писалъ, что ему казалось, будто онъ впервые позналъ теперь «и тихій трудъ, и жажду размышленій». Въ Кишиневѣ онъ написалъ, на основаніи пѣсни трактирной служанки, балладу «Черная шаль», быстро сдѣлавшуюся популярной. Онъ создалъ здѣсь болѣе 40 стихотвореній, не считая крупныхъ вещей, какъ напр.: «Бахчисарайскій фонтанъ», и всевозможныхъ другихъ работъ, оставшихся невыполненными. Въ Кишиневѣ же начатъ и «Евгеній Онѣгинъ», написано стихотвореніе «Наполеонъ» и «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Несмотря на столь плодотворную дѣятельность и на свободу, которою Пушкинъ пользовался въ Кишиневѣ, онъ рвался душою изъ этого города и съ трудомъ переносилъ изгнаніе. Онъ писалъ въ это время брату: — «здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насилу уломалъ Инзова, чтобы онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу; ресторація и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ...

Однако радость Пушкина была кратковременна. Воронцовъ, понятно, не желалъ видѣть въ Пушкинѣ ни поэта, ни свѣтскаго человѣка, а исправнаго чиновника. И Пушкину было въ Одессѣ куда труднѣе, чѣмъ въ Кишиневѣ. Онъ пытался приноровиться къ новымъ требованіямъ, но никакъ не могъ превратиться изъ страстнаго поэта въ приличнаго, подтянутаго чиновника и позволялъ себѣ разныя выходки. Такъ,

К***

Я помню чудное мгновенье
Передо мной явилась ты
Какъ мимолетное видѣнье
Какъ геній чистой красоты

Въ томленьи грусти безнадежной
Въ тревогахъ шумной суеты
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты

Шли годы, бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты
И я забылъ твой голосъ нѣжный
Твои небесныя черты

Въ глуши во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ Божества, безъ вдохновенья
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви

Автографъ А. С. Пушкина.

Собственноручные наброски Пушкина, изображающіе Е. Н. Киселеву (рожденную Ушакову).
Изъ альбома, хранящагося у Н. С. Киселева. Автотипія «Нивы».

напр., когда Воронцовъ отправилъ его въ командировку изслѣдовать саранчу въ степяхъ Новороссіи, Пушкинъ, вмѣсто солиднаго рапорта о порученіи, представилъ своему начальнику четверостишіе:

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла,
[illegible]
И вновь улетѣла.

Въ концѣ-концовъ отношенія такъ обострились, что Воронцовъ просилъ гр. Нессельроде, управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отозвать Пушкина изъ Одессы.

Гр. Нессельроде отвѣтилъ Воронцову письмомъ, что Государь Императоръ вполнѣ согласился съ предположеніемъ графа и находитъ необходимымъ удалить Пушкина въ имѣніе родителей, въ псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго на- [illegible]

Георгъ-Карлъ Дантесъ (баронъ де-Геккеренъ).
Съ соврем. портрета [illegible] Нивы

IV.

Въ селѣ Михайловскомъ.

30-го іюля 1824 года Пушкинъ, получивъ 389 р. прогонныхъ денегъ и 150 р. жалованья, да еще 3000 р. ассигнаціями отъ П. А. Вяземскаго, за только-что изданный имъ «Бахчисарайскій фонтанъ» — первый крупный гонораръ выѣхалъ изъ Одессы. Прощанію съ Одессой Пушкинъ посвятилъ прелестное стихотвореніе «Къ морю»:

Прощай, свободная стихія,
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Онъ былъ обязанъ подписной ѣхать, нигдѣ не останавливаясь, что и исполнилъ въ точности.

Грустно было возвращеніе опальнаго поэта на родину. Родители приняли его сурово, и весьма недружелюбно посмотрѣли на возникшую между сыномъ и младшими дѣтьми дружбу, боясь, чтобы онъ не совратилъ ихъ. Начальникъ края, маркизъ Паулуччи, поручилъ отцу Пушкина взять на себя надзоръ за поведеніемъ его блуднаго сына. Отецъ вполнѣ воспользовался этимъ офиціальнымъ порученіемъ, и между нимъ и сыномъ произошла не одна тяжелая сцена. Пушкинъ одною изъ этихъ сценъ, гораздо позднѣе, воспользовался въ [illegible].

Въ концѣ-концовъ отецъ Пушкина отказался отъ своей офиціальной миссіи и вмѣстѣ съ женой и дѣтьми уѣхалъ въ Петербургъ. Поэтъ остался одинъ, подъ наблюденіемъ мѣстнаго предводителя дворянства и настоятеля монастыря. Онъ развлекался частыми визитами въ сосѣднее село Тригорское, гдѣ проживала П. А. Осипова съ дочерьми и племянницей А. П. Кернъ. А. П. Кернъ гостила въ то время у своей тетки и жаждала познакомиться съ поэтомъ. Кернъ была красавица, и это знакомство кончилось тѣмъ, что Пушкинъ страстно влюбился въ молодую женщину. Онъ посвятилъ ей альбомное стихотвореніе: «Я помню чудное мгновеніе». Автографъ этого стихотворенія читатели найдутъ на этихъ страницахъ. Пушкинъ и здѣсь, какъ всюду, много читалъ и работалъ. «Книгъ, ради Бога книгъ!» — постоянно пишетъ онъ брату. Цѣлый день, съ утра до обѣда, сидитъ онъ съ перомъ въ рукѣ и пишетъ, а вечеромъ слушаетъ и записываетъ сказки своей няни, Арины Родіоновны. По этимъ сказкамъ онъ изучаетъ

Шефъ жандармовъ, графъ А. Х. Бенкендорфъ.
Съ соврем. портрета автотипія Нивы

[illegible]нія. Картину этой деревенской жизни Пушкина мы видимъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

[illegible]
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ.
. . . .
Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
[illegible]
Бутылка свѣжаго вина,
Уединенье, тишина —
Вотъ жизнь Онѣгина святая.

Особенно производительно занимался Пушкинъ осенью и очень любилъ это грустное и поэтичное время года. Весной его посѣтилъ Пущинъ, его старый другъ и товарищъ. Ему онъ читалъ свои творенія въ той комнатѣ, гдѣ онъ имѣлъ привычку работать, а няня сидѣла поодаль и слушала его чтеніе.

Посѣтили его еще два лицейскихъ товарища — Дельвигъ и кн. Горчаковъ, попавшій случайно въ окрестности Михайловскаго. Вотъ какъ описываетъ это посѣщеніе поэтъ въ своемъ [illegible].

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной!
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой:
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись.

Пушкинъ у Гоголя. Картина академика М. П. Клодта, грав. Ю. Барановскій.

Приложеніе къ журналу „Нива" [illegible] г.

По невзначай, проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Въ Іюлѣ 1826 г. Пушкинъ послалъ черезъ губернатора письмо государю съ выраженіемъ раскаянія, воспользовавшись тѣмъ, что имя его не значилось въ спискахъ заговорщиковъ 14-го декабря, такъ какъ онъ не принималъ участія въ заговорѣ. Вскорѣ онъ былъ увезенъ присланнымъ фельдъегеремъ въ Москву, а 8-го сентября прямо съ дороги представленъ государю. Государь говорилъ съ нимъ долго и откровенно.

— Здравствуй, Пушкинъ,—сказалъ ему государь Николай Павловичъ.—Доволенъ ли ты своимъ возвращеніемъ?

— Очень доволенъ, ваше величество,—отвѣтилъ Пушкинъ.

Государь вступилъ съ нимъ въ бесѣду, въ концѣ которой прямо спросилъ его:

— Пушкинъ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, если бы былъ въ Петербургѣ?

— Непремѣнно, государь: всѣ друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!

— Довольно ты надурачился, — сказалъ ему государь:—надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ.

Пушкинъ такъ увлекся въ разговорѣ съ государемъ, что облокотился на столъ, а потомъ почти сѣлъ на него. Государь отвернулся, сдѣлавъ видъ, что не замѣтилъ этой вольности, но потомъ, говоря объ этомъ свиданіи, сказалъ: — «съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ».

Портретъ А. С. Пушкина, работы Кипренскаго. Грав. Геррье.

Однако, государь разрѣшилъ ему жить, гдѣ угодно, а съ мая 1827 г. и въ Петербургѣ.

За время своего пребыванія въ Михайловскомъ, Пушкинъ окончилъ поэму «Цыганы», начатую въ Одессѣ, написалъ «Графа Нулина», навѣяннаго на него чтеніемъ «Лукреціи» Шекспира. Эту повѣсть онъ написалъ въ два утра. «Борисъ Годуновъ» тоже всецѣло принадлежитъ михайловскому періоду. Пушкинъ самъ былъ очень доволенъ этой трагедіей. «Я перечелъ ее вслухъ одинъ, билъ въ ладони и кричалъ: ай да Пушкинъ!» Но онъ продержалъ ее у себя шесть лѣтъ, не довѣряя вкусу публики и критиковъ. Онъ напечаталъ ее въ 1831 году и не ошибся въ своихъ сомнѣніяхъ. Критика жестоко обрушилась на него. Одинъ Бѣлинскій, съ его свѣтлымъ умомъ, призналъ ея значеніе. Михайловскому періоду принадлежатъ и «Египетскія ночи», не говоря о массѣ другихъ мелкихъ стихотвореній и статей.

Такимъ образомъ періодъ заточенія въ селѣ Михайловскомъ является чуть ли не самымъ производительнымъ періодомъ въ творческой дѣятельности великаго поэта.

V.

Женитьба Пушкина.

Пушкинъ вздохнулъ полной грудью, вырвавшись изъ Михайловскаго. Онъ съ наслажденіемъ отдался своему прежнему образу жизни, посѣщая вечера, знакомыхъ, литературные кружки и театры. Вѣсть объ его освобожденіи была радостно принята публикой, конечно, той публикой, которая читала. Его вездѣ принимали восторженно, съ открытыми объятіями. Первое время поэтъ проводилъ въ Москвѣ, только что отвеселившейся на коронаціи. Въ литературныхъ кружкахъ Пушкинъ былъ желаннымъ, дорогимъ гостемъ; онъ читалъ въ этихъ кружкахъ свои произведенія, приводилъ ими въ восторгъ молодежь и вызывалъ такой горячій подъемъ воодушевленія, какого до тѣхъ поръ не бывало въ литературѣ.

Однако Пушкину вскорѣ съ горечью пришлось убѣдиться, что свобода его скорѣе призрачная, чѣмъ дѣйствительная. За нимъ слѣдили, его подстерегали. Шумный его успѣхъ въ московскомъ обществѣ создалъ ему сильнаго врага въ лицѣ могущественнаго гр. Бенкендорфа. Тщетно ждалъ Бенкендорфъ визита отъ поэта, и, не дождавшись его, написалъ ему ядовитое письмо:

«Я ожидалъ пріѣзда вашего», — писалъ ему Бенкендорфъ: — «чтобы объявить вамъ Высочайшую волю по просьбѣ вашей, но, отправляясь теперь въ Петербургъ, и *не надѣясь видѣть васъ здѣсь*, честь имѣю увѣдомить, что Государь Императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю... Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ».

Пушкинъ былъ въ восхищеніи отъ этого письма, которое мы привели въ сокращеніи, и не усмотрѣлъ въ немъ ядовитыхъ намековъ на то, что поэтъ не сдѣлалъ ему визита. Но гр. Бенкендорфъ не дремалъ и вскорѣ прислалъ ему новое письмо, адресованное въ с. Михайловское, куда Пушкинъ, «почуя рифмы», уѣхалъ работать и отдыхать отъ московскихъ овацій.

Это письмо было уже гораздо яснѣе и строже. Ссылаясь на свое предыдущее письмо, въ которомъ Бенкендорфъ предписывалъ Пушкину всѣ его сочиненія до напечатанія и распространенія ихъ въ рукописяхъ представлять ему для передачи государю, онъ пишетъ:—«нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Это меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ?»

Письмо это произвело на Пушкина тяжелое впечатлѣніе: онъ, наконецъ, почувствовалъ въ тонѣ его угрозу, а въ авторѣ его—своего врага.

Онъ послалъ Бенкендорфу извинительное письмо и сознался, что имѣлъ неосторожность читать въ Москвѣ свою трагедію, но не изъ ослушанія Высочайшей воли, а только потому, что худо понялъ эту волю. Онъ приложилъ къ письму и трагедію. Затѣмъ гр. Бенкендорфъ потребовалъ и остальныя произведенія, назначенныя къ печати.

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккеренъ 27-го января 1837 г.

Съ картины, писанной по словесной передачѣ академикомъ Волковымъ, рис. [illegible], грав. [illegible]

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккеренъ 27-го янв. 1837 г.

Съ картины Наумова. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Въ 1827 г. возгорѣлось дѣло о стихотвореніи «Андрей Шенье». Стихотвореніе это, написанное въ началѣ 1825 г., было разсмотрѣно цензурой 8-го октября того же года, т. е. за два мѣсяца до 14-го декабря и разрѣшено за исключеніемъ изъ него 44 стиховъ. Именно этотъ отрывокъ въ 44 стиха распространился въ спискахъ по Москвѣ. Дѣло тянулось два года. Пушкина измучили допросами.

Легко представить себѣ душевное состояніе поэта, переживавшаго это тяжелое время. Но творческія силы не покидали его. Въ 1828 г. онъ менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, написалъ «Полтаву». «Гадкая проза жизни» начинала серьезно тяготить поэта, что онъ и выражаетъ въ письмѣ П. А. Осиповой: — «Пошлость и глупость обѣихъ нашихъ столицъ равносильна, хотя и различна, и такъ какъ я стараюсь быть безпристрастнымъ, то, если бы предоставленъ мнѣ былъ выборъ между обоими городами, — я избралъ бы Тригорское, подобно арлекину, который на вопросъ, что̀ онъ предпочитаетъ — быть колесованнымъ или повѣшеннымъ — отвѣчалъ: я предпочитаю молочный супъ».

Но эти проблески веселости становятся все рѣже и рѣже. Душа поэта изнываетъ; онъ не знаетъ, что̀ съ собой дѣлать: просится въ дѣйствующую армію въ началѣ турецкой войны, просится за границу. Душевная его тоска отражается на его творчествѣ, и скорбной, печальной нотой звучитъ въ его лирическихъ произведеніяхъ этого періода.

Характеръ Пушкина круто мѣняется. Подобно тому, какъ въ немъ произошелъ рѣзкій переломъ въ семилѣтнемъ возрастѣ, такъ и теперь совершается второй переломъ. Когда-то необыкновенно живой и страстный любитель развлеченій, Пушкинъ становится угрюмымъ, цѣлые дни проводитъ лежа на диванѣ, ни съ кѣмъ не говоря, молча куря трубку.

Въ это время Пушкинъ сдѣлалъ предложеніе Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой. Въ маѣ 1829 года онъ получилъ отъ нея не совсѣмъ удовлетворительный отвѣтъ и съ отчаянія уѣхалъ на Кавказъ, провелъ двѣ недѣли въ Тифлисѣ и отправился къ дѣйствующей арміи, гдѣ находился его братъ Левъ Сергѣевичъ. Изъ этого путешествія Пушкинъ привезъ нѣсколько стихотвореній и «Путешествіе въ Арзерумъ».

Осталось невыясненнымъ, возобновилъ ли Пушкинъ свое сватовство тотчасъ по возвращеніи съ Кавказа; извѣстно только, что въ это время онъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній Елизаветѣ Николаевнѣ Ушаковой («Вы избалованы природой», «Я васъ узналъ, о, мой оракулъ»). Кромѣ того остался еще цѣлый альбомъ, разрисованный и написанный рукою Пушкина. Двѣ карикатуры изъ этого альбома мы приводимъ здѣсь, какъ образчикъ рисунковъ Пушкина. Е. Н. Ушакова въ томъ же 1829 г. вышла замужъ за Киселева, и альбомъ этотъ принадлежитъ теперь ея сыну.

Съ Натальей Николаевной Гончаровой Пушкинъ познакомился въ 1828 г., когда ей было всего 15 лѣтъ, на балу, и тогда же сказалъ ей, что участь его будетъ навсегда связана съ ея участью. Въ 1830 году Москва оживилась прибытіемъ туда двора, и молодая Гончарова была дѣятельной участницей всѣхъ баловъ, собраній и празднествъ. Разговоры объ ея успѣхахъ въ свѣтѣ, о ея красотѣ не давали покоя Пушкину. По возвращеніи съ Кавказа, онъ мчится изъ Петербурга въ Москву. Въ самый день Пасхи, 21 апрѣля 1830 г. онъ сдѣлалъ предложеніе, которое и было, наконецъ, принято.

Семейство Гончаровыхъ стояло очень высоко на ступеняхъ общественной лѣстницы, но было почти разорено. Главою семьи считался дѣдъ, промышленное предпріятіе котораго, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, висѣло на волоскѣ. Хотя предложеніе поэта и было принято и помолвка уже состоялась, тѣмъ не менѣе Пушкина держали въ почтительномъ отдаленіи отъ невѣсты; но его свѣтскія и придворныя связи охотно эксплоатировались будущей тещей, часто дѣлавшей ему непріятности и сцены.

Отъ всѣхъ этихъ передрягъ и душевныхъ волненій, Пушкинъ уѣхалъ въ Болдино. Но желаніе работать, несмотря на тягостныя условія, создавшіяся для этой работы, не покидаетъ его и осенью 1830 г., въ Болдинѣ, которое выдѣлилъ ему, наконецъ, отецъ изъ родового имѣнія. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ создаетъ «Скупого рыцаря», «Моцарта и Сальери», «Донъ-Жуана», около 30-ти стихотвореній, пять «Повѣстей Бѣлкина», «Пиръ во время чумы», «Домикъ въ Коломнѣ» и нѣсколько главъ «Онѣгина».

По возвращеніи изъ деревни въ декабрѣ, черезъ карантины, учрежденные по случаю холеры, Пушкинъ пробрался въ Москву; новый 1831 годъ засталъ его въ хлопотахъ о женитьбѣ, но 14 января онъ былъ глубоко огорченъ извѣстіемъ о смерти Дельвига, стараго однокашника и друга. Въ среду, 18-го февраля 1831 года, Пушкинъ былъ, наконецъ, обвѣнчанъ, въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенія. Новобрачные остались жить въ Москвѣ до весны; послѣ Пасхи они переѣхали въ Царское Село. Въ Царскомъ Селѣ Пушкинъ выступилъ съ знаменитыми стихотвореніями — «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина»; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ написалъ здѣсь и свои сказки: «О царѣ Салтанѣ», «О мертвой царевнѣ», «О золотомъ пѣтушкѣ».

Съ дачи Пушкинъ переѣхалъ въ Петербургъ и отдавался работѣ со страстью. Къ этому времени его жизни относится его знакомство и даже сближеніе съ Гоголемъ, входившимъ уже въ славу. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ увѣровалъ въ блестящую будущность автора «Вечеровъ на хуторѣ». Оба писателя видѣлись часто, бесѣдовали о литературныхъ дѣлахъ и читали другъ другу свои произведенія. Это знакомство имѣло огромное вліяніе на Гоголя, по его собственному сознанію. Извѣстно, что сюжеты «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора» даны были Гоголю Пушкинымъ. Въ 1833 г. Пушкинъ былъ принятъ въ число членовъ Академіи. Денежныя дѣла его были разстроены. Онъ уплачивалъ еще долги холостой жизни, а домашніе расходы его, по его словамъ, увеличились вдесятеро, такъ какъ нужно было принимать у себя и выѣзжать въ высшій свѣтъ, гдѣ жена его блистала на балахъ. Къ осени 1833 г. у Пушкина уже были готовы матеріалы для «Исторіи Пугачевскаго бунта», «Капитанская дочка» и отдѣланы совершенно «Русалка» и «Дубровскій» — эта первая у насъ попытка соціальнаго романа.

Въ концѣ 1833 года Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ, а въ мартѣ 1834 г. ему дано было 20,000 р. на печатаніе «Исторіи Пугачевскаго бунта». Несмотря на все это, жить въ Петербургѣ ему становится все труднѣе и труднѣе: дѣла его родителей разстраиваются, онъ беретъ ихъ на себя, послѣ чего отецъ и братъ не перестаютъ обращаться къ нему за деньгами, не справляясь о томъ, откуда ему взять денегъ для удовлетворенія ихъ просьбъ.

«Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ», — пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ женѣ, — «съ твоего позволенія надобно будетъ, кажется, выйти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію... Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ доброй, честной жены».

Къ этому времени присоединились и другія непріятности.

Въ то время ходила въ обществѣ по рукамъ эпиграмма: «Въ академіи наукъ, засѣдаетъ князь Дундукъ»... Новый министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ встрѣтилъ у Карамзиныхъ Пушкина, которому молва приписывала эту эпиграмму.

Министръ сказалъ поэту:

— Вы роняете свой талантъ, позволяя себѣ осмѣивать почтенныхъ и заслуженныхъ людей такими эпиграммами.

Пушкинъ вскипѣлъ и отвѣтилъ ему:

— Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать, что это мои стихи?

— Но всѣ говорятъ, что ваши! — возразилъ Уваровъ.

— Мало ли что̀ говорятъ! А я вамъ вотъ что̀ скажу: я на васъ напишу стихи и напечатаю ихъ съ моею подписью.

И дѣйствительно, когда вскорѣ послѣ этого разговора Уваровъ захворалъ, а наслѣдники его поторопились опечатать его имущество, въ надеждѣ, что онъ умретъ, между тѣмъ какъ министръ неожиданно выздоровѣлъ, Пушкинъ написалъ стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла», которое и было напечатано въ *Московскомъ Наблюдателѣ*.

Эта выходка принесла много непріятностей поэту. Въ результатѣ получился вызовъ къ Бенкендорфу и объясненіе съ

нимъ, о которомъ разсказывалъ самъ Пушкинъ. Приводимъ этотъ разсказъ въ извлеченіи.

«Вхожу. Графъ съ серьезной, даже со строгой миной, впрочемъ, учтиво отвѣтилъ на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола vis-à-vis.

«— Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить вамъ непріятное и щекотливое дѣло по поводу вотъ этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и назвали ихъ Лукулломъ и переводомъ съ латинскаго... но все русское общество въ наше время настолько просвѣщенно, что умѣетъ читать между строкъ...

«— Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества. Но позвольте узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали въ моей сатирѣ?

«— Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ и просилъ обо всемъ доложить государю. И даже то, какъ вы сказали ему, что напишете на него стихи и подпишетесь подъ ними.

«— Сказалъ и теперь не отпираюсь... Только именно эти-то стихи я написалъ не на него.

«— А на кого же?

«— На васъ.

«Бенкендорфъ, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнулъ:

— Что?! На меня?

«А я, заранѣе восхищаясь развязкой... три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ:

— На васъ, на васъ, на васъ!

«Тутъ ужъ Александръ Христофоровичъ, во всемъ величіи власти, громовержцемъ подымаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя ко мнѣ, дрожащей отъ злобы рукой тыкая на извѣстныя мѣста стиховъ, сказалъ:

«— Однако, послушайте, сочинитель! Что-жъ это такое? Какой-то пройдоха наслѣдникъ... (читаетъ) «Теперь ужъ у вельможъ не стану нянчить ребятишекъ...» Ну, это ничего. (продолжаетъ читать): «Теперь мнѣ честность—трынь-трава, жену обманывать не буду!..» Ну, и это ничего, вздоръ!.. но вотъ ужасное, непозволительное мѣсто: «И воровать уже забуду казенныя дрова». А, что вы на это скажете?

«— Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой колкости.

«— Да развѣ я воровалъ казенныя дрова?

— Такъ, стало-быть, Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя!

«Бенкендорфъ понялъ силлогизмъ, сердито улыбнулся и промычалъ:

«— Гм! Да!.. Самъ виноватъ...

«— Вы такъ и доложите государю. А за симъ имѣю честь кланяться вашему сіятельству».

VI.

Кончина поэта.

Положеніе Пушкина было тяжелымъ, и бракъ не принесъ ему успокоенія, котораго онъ такъ жаждалъ, чтобы всецѣло посвятить себя своимъ трудамъ.

Жена его была признанная красавица—la beauté romantique—какъ ее называли въ свѣтѣ. Одна изъ великосвѣтскихъ дамъ-иностранокъ выразилась въ своемъ письмѣ о женѣ Пушкина такъ:—«она прекрасное созданіе; но это меланхолическое и тихое выраженіе, похожее на предчувствіе несчастія!» Конечно эта beauté romantique должна была сильно волновать воображеніе такого поклонника красоты, какимъ былъ Пушкинъ. Увлеченіе его было сначала только увлеченіемъ художника, созерцающаго «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ». Онъ писалъ своей невѣстѣ въ альбомъ:

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.
Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье,—
Но, встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Но вскорѣ горячая человѣческая страсть овладѣла Пушкинымъ. И эта страсть буквально сжигала его.

Любила ли его Наталія Николаевна? На этотъ вопросъ скорѣе можно отвѣчать утвердительно, какъ можно отвѣтить отрицательно на другой вопросъ—понимала ли она его? По крайней мѣрѣ, въ перепискѣ съ женою, Пушкинъ говоритъ обо всемъ, кромѣ того, что составляло весь смыслъ его жизни—о своихъ литературныхъ работахъ и планахъ. Онъ какъ будто конфузится писать и говорить объ этомъ, точно боится довѣрить святая святыхъ своей души женщинѣ, которая врядъ ли пойметъ его. Такимъ образомъ, высшая сторона жизни, сторона духовная, оставалась у Пушкина неудовлетворенною, и въ своей семейной жизни онъ долженъ былъ чувствовать страшное душевное одиночество.

Кромѣ того несомнѣнно, что ревность должна была мучить его, несмотря на то, что онъ былъ увѣренъ въ женѣ, воспитанной въ принципахъ благочестія и добродѣтели; но онъ зналъ пустоту и ничтожество всѣхъ этихъ свѣтскихъ ухаживателей и донъ-жуановъ. Онъ боялся не измѣны со стороны жены, а скорѣе злословія, сплетенъ, грязныхъ и пошлыхъ намековъ представителей того общества, въ которомъ онъ вращался, и которое, къ тому же, было недоброжелательно къ нему настроено. Онъ былъ правъ, какъ показываетъ исторія его кончины.

Въ его письмахъ къ женѣ звучитъ тревожная нотка:

«Смотри, женка. Того и гляди избалуешься безъ меня, забудешь меня—искокетничаешься. Одна надежда на Бога, да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности»... «Кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности—не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ *тону*, а къ чему-то уже важнѣйшему»... «Вчера получилъ отъ тебя два письма, но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путемъ искокетничалась. Смотри, не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало... вотъ тебѣ вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будутъ*. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобой ухаживаютъ? Не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова, о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли! Прошу, чтобы у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангелъ, цѣлую тебя какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь... Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московскою барышнею, все, что не comme il faut, все, что vulgar»... «Женка, женка! Я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по три мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—для тебя, женка, чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоей красотой. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc. etc.».

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ, гр. Соллогубъ старается выяснить, въ чемъ, именно, заключалось несчастіе поэта.

«Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ»,—говоритъ онъ,—«и главное его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью, его убившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ еще устроено, что величайшій художникъ

Мѣсто дуэли Пушкина, въ 1839 г. С... Рейнгардтъ, грав. М. ...

Мѣсто дуэли Пушкина, въ 1899 г. По фот. ... «Нивы».

безъ чина становится въ офиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали:—Карету Пушкина!—Какого Пушкина?—Сочинителя! Пушкинъ обижался, конечно, не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось названію».

А денежныя затрудненія все продолжались. Онъ очень разсчитывалъ поправить свои дѣла работами по исторіи. Онъ задался цѣлью написать исторію Петра I, котораго ставилъ такъ высоко. Плодомъ его историческихъ работъ были: «Дубровскій», «Капитанская дочка», «Мѣдный Всадникъ» и «Арапъ Петра Великаго». Но денежные расчеты его не оправдывались, и приходилось прибѣгать къ займамъ, въ особенности послѣ пожалованья поэта въ камеръ-юнкеры, когда ему пришлось бывать при дворѣ и вывозить на придворные балы жену.

Пожалованіе придворнымъ званіемъ причинило ему также не мало непріятностей. Онъ писалъ по этому поводу: «Великій князь намедни поздравилъ меня въ театрѣ. «Покорнѣйше благодарю ваше высочество: до сихъ поръ всѣ надо мной смѣялись: вы первый меня поздравили».

Самолюбіе поэта страшно страдало, что и видно изъ его замѣтокъ. Въ одной изъ нихъ, въ которой онъ жаловался на свое камеръ-юнкерство, онъ вписалъ слѣдующую фразу: «Баронъ д'Антесъ и маркизъ де Пина, два Шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ».

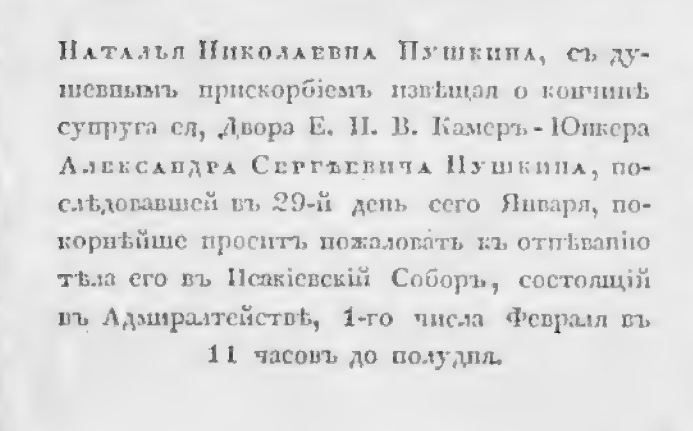
Думалъ ли онъ тогда, что это имя Дантеса сдѣлается роковымъ для него именемъ!

Баронъ Жоржъ д'Антесъ или Дантесъ былъ иландскаго происхожденія, но—французскій подданный, отецъ котораго получилъ отъ Наполеона I титулъ барона. Послѣ революціи тридцатаго года Дантесъ эмигрировалъ въ Россію, снабженный множествомъ рекомендательныхъ писемъ. Онъ былъ очень красивъ, вкрадчивъ, искателенъ и любезенъ; быстро втерся въ аристократическое общество, въ которомъ нашелъ покровителей, представившихъ его императрицѣ и просившихъ для него ея протекціи. Вступленіе Дантеса въ русскую службу произошло довольно оригинально. Живописецъ Ладюрнеръ, имѣвшій мастерскую въ Эрмитажѣ, часто принималъ у себя государя. Познакомившись съ Дантесомъ, Ладюрнеръ рѣшилъ сдѣлать ему карьеру. Онъ нарисовалъ карикатурный портретъ Людовика Филиппа, котораго государь очень не любилъ, и поставилъ его на видномъ мѣстѣ въ мастерской, посовѣтовавъ Дантесу не отлучаться изъ нея. При первомъ же посѣщеніи государя, на вопросъ его, кто авторъ карикатуры, живописецъ представилъ ему молодого эмигранта, и Дантесъ тутъ же смѣло попросилъ императора принять его на русскую службу. Государь, который былъ очень въ духѣ, немедленно согласился. Дантесъ умѣлъ обвораживать людей. Такъ, напр., неизвѣстно почему, нидерландскій посланникъ, баронъ Гекеренъ усыновилъ его, далъ ему свою фамилію и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ; объясняли это тѣмъ, что Дантесъ былъ его незаконнымъ сыномъ; говорили еще, что старый баронъ сдѣлалъ это изъ ненависти къ своему семейству. Старикъ Гекеренъ не отличался нравственностью и былъ крайне несимпатичнымъ человѣкомъ, пользовавшимся всѣми средствами, часто недозволенными, для намѣченныхъ цѣлей; онъ былъ извѣстенъ сплетнями, перессорившими многихъ въ Петербургѣ. Его пріемный сынъ былъ тѣмъ, что тогда называлось блестящимъ офицеромъ, обворожительнымъ красавцемъ и побѣдителемъ дамскихъ сердецъ. Онъ умѣлъ скаламбурить, отпустить bon-mot, удачно сострить; очень [illegible] путь, въ особенности успѣхомъ у женщинъ, но былъ совершенно необразованъ и даже не развитъ.

Дантесъ и Пушкинъ познакомились въ ресторанѣ Дюмэ, гдѣ часто обѣдали за табльдотомъ. Они сблизились, постоянно встрѣчаясь въ одномъ и томъ же петербургскомъ обществѣ.

Между тѣмъ Пушкинъ продолжалъ свои работы и усердно посѣщалъ традиціонныя субботы Жуковскаго, на которыхъ встрѣчался съ Крыловымъ, кн. Вяземскимъ, кн. Одоевскимъ, Глинкой и Гоголемъ. Но Пушкинъ былъ уже не тотъ; характеръ его сталъ желчнымъ и подозрительнымъ. На окружающихъ онъ смотрѣлъ косо, въ каждомъ словѣ старался видѣть намекъ на свои семейныя отношенія или оскорбленіе. Теперь онъ легко поддавался сплетнямъ, и по всему видно было, что въ немъ начался уже душевный разладъ. Одинъ изъ его біографовъ, г-жа Венкстернъ, допускаетъ мысль, что онъ дѣйствовалъ, какъ будто «руководимый смутной надеждой встрѣтить пулю, которая разомъ разрѣшила бы его запутанные счеты съ жизнью».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душу его закралось какое-то темное предчувствіе, и въ разговорѣ съ сестрой, пріѣхавшей на похороны ихъ матери, Пушкинъ сказалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ: Si vous saviez, ma chère soeur, combien l'existence m'est à charge! J'éspère qu'elle ne durera pas longtemps... et je vous dirai mieux: je le sens! —И онъ покупаетъ въ Святогорскомъ монастырѣ, рядомъ съ могилой матери, мѣсто для будущей своей могилы.

Наталья Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, Двора Е. И. В. Камеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29-й день сего Января, покорнѣйше проситъ пожаловать къ отпѣванію тѣла его въ Исакіевскій Соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудня.

Извѣщеніе о смерти Пушкина.

Жена его [illegible] выѣзжать. Вскорѣ въ свѣтѣ разнесся слухъ о назойливомъ ухаживаніи за нею Дантеса. Сплетни, все разрастаясь и увеличиваясь, какъ снѣжный комъ, конечно, достигли ушей Пушкина, до котораго услужливые «друзья» поспѣшили довести этотъ слухъ. Это было послѣдней каплей, сдѣлавшей невозможнымъ компромиссъ и вынудившей несчастнаго поэта выступить на активную защиту своей чести. Все, что онъ пережилъ за эти годы семейной жизни, вся горечь обидъ, всѣ мелочныя оскорбленія, все пережитое имъ и удерживаемое на днѣ гордой и оскорбленной души взволновалось и заклокотало въ немъ. Ненависть къ пошлому обществу, страстная, неутолимая жажда мести овладѣла имъ. Въ лицѣ Дантеса онъ точно бросалъ вызовъ всему петербургскому обществу.

Вдохновеніе покинуло его въ эти скорбныя минуты его жизни. Будто чувствуя, что для него все уже и навсегда кончено, онъ написалъ еще одно стихотвореніе «Памятникъ» могучій и гордый эпилогъ къ закончившейся литературной дѣятельности. Безъ ложной скромности, безъ скромной фальши, онъ самъ даетъ оцѣнку своему генію:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
Нѣтъ! Весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ и другъ степей калмыкъ.
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца...

Такимъ языкомъ, сильнымъ, гордымъ и мощнымъ, могъ говорить только геній. И это поэтическое завѣщаніе, эта лебединая пѣсня поэта, достойно завершила его поэтическую дѣятельность. Онъ уже не имѣлъ нравственныхъ силъ обойти клевету презрительнымъ молчаніемъ и вступилъ въ споръ, въ смертельный, послѣдній споръ съ «глупцами жестокаго вѣка». И онъ погибъ въ этой неравной борьбѣ, погибъ, потому что стоялъ одинокимъ среди легіоновъ понимиковъ, среди моря клеветы, которое поглотило его своими нечистыми волнами.

Пушкинъ въ гробу. Рисунокъ Борелля, грав. Іерике.

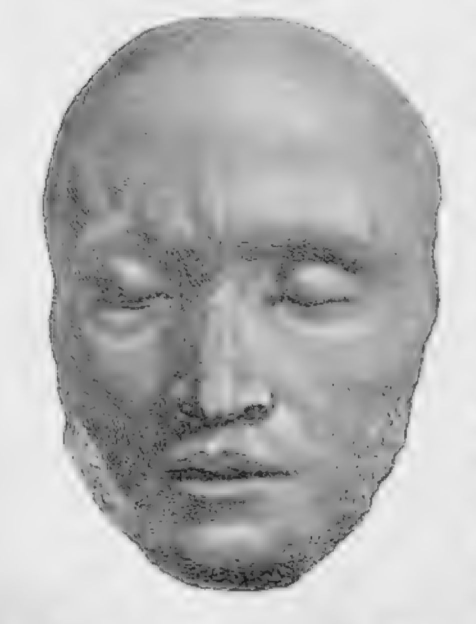
Въ октябрѣ, въ Петербургѣ, на лицейскомъ праздникѣ удрученный, душевно-разбитый поэтъ, хотѣлъ прочесть собравшимся лицеистамъ стихотвореніе, написанное имъ къ этому торжеству; но только онъ произнесъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

какъ голосъ его оборвался, и слезы полились изъ его глазъ. Онъ опустился на диванъ, въ безсиліи, въ изнеможеніи.

Это было его прощаніе съ товарищами, съ поэзіей, съ жизнью. Затѣмъ взвилась занавѣсъ надъ послѣднимъ, короткимъ актомъ его жизненной трагедіи.

Изъ письма Пушкина къ графу Бенкендорфу мы увидимъ, какъ начался этотъ послѣдній актъ.

Маска Пушкина, снятая съ него на другой день послѣ кончины. Грав. Іерике.

«Графъ, — писалъ поэтъ 21 ноября:—считаю себя въ правѣ и даже обязаннымъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что произошло въ моемъ семействѣ. Утромъ 4 ноября, я получилъ три экземпляра безыменнаго письма, оскорбительнаго для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакціи, я съ первой же минуты догадался, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго круга, дипломата. *) Я сталъ разыскивать. Узнаю, что семь или восемь особъ въ тотъ же день получили по экземпляру такого же письма, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя, подъ двойнымъ конвертомъ. Большая часть лицъ, его получившихъ, подозрѣвая гнусность, не переслали его ко мнѣ. Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду, но повторяя, что поведеніе моей жены безупречно, говорили, что поводомъ такой гнусности послужило настойчивое ухаживанье за нею г. д'Антеса.—Не мнѣ было допустить, чтобы въ данномъ случаѣ имя моей жены связано было съ чьимъ бы то ни было именемъ. Я поручилъ передать это г. д'Антесу. Баронъ Гекернъ пріѣхалъ ко мнѣ и принялъ вызовъ за г. д'Антеса, прося у меня 15-ти-дневной отсрочки. — Случилось такъ, что въ этотъ условленный промежутокъ времени д'Антесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гончарову, и сталъ просить ея руки. Узнавъ объ этомъ по общественнымъ слухамъ, я поручилъ попросить г. д'Аршіака (секунданта г. д'Антеса) смотрѣть на мой вызовъ, какъ на несостоявшійся. Между тѣмъ я удостовѣрился, что безыменное письмо было отъ г. Гекерна, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія правительства и общества.— Будучи единымъ судьею и блюстителемъ моей и жениной чести, а потому и не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательство того, что утверждаю. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, графъ, что это письмо служитъ доказательствомъ уваженія и довѣрія моего къ особѣ вашей.»

*) Бар. Гекерна, старика.

Одновременно онъ написалъ крайне рѣзкое письмо и къ старику Гекерну:

«Я не хочу, чтобы жена моя выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Не могу дозволить, чтобы сынъ вашъ, послѣ гнуснаго своего поступка осмѣливался еще съ ней говорить и того менѣе ухаживать за нею и отпускать ей казарменные каламбуры, разыгрывая нѣжно-преданнаго и несчастнаго воздыхателя, тогда какъ онъ ни что иное какъ негодяй и мерзавецъ. Итакъ, я вынужденъ просить васъ, г. баронъ, прекратить всѣ эти продѣлки, если желаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю».

Портретъ Пушкина, рисованный съ маски Э. Жуковской. Грав. Іерике.

Письмо это не было отправлено по назначенію именно вслѣд-

ствіе изъявленнаго Дантесомъ намѣренія жениться на Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой. Пушкинъ тѣмъ не менѣе отказался отъ всякихъ сношеній съ Дантесомъ, даже послѣ состоявшейся въ 1837 г. свадьбы своего врага съ его свояченицей. Онъ даже не принялъ свадебнаго визита молодыхъ.

Ихъ старались мирить, заставляли встрѣчаться въ разныхъ мѣстахъ; старикъ Гекеренъ продолжалъ говорить съ женой Пушкина о страсти къ ней своего пріемнаго сына, а она передавала этотъ разговоръ своему мужу. Пушкинъ выходилъ изъ себя, и его мрачное, тяжелое настроеніе духа стало замѣтно всѣмъ окружающимъ, кромѣ его жены. Но наконецъ и она замѣтила, что съ нимъ творится что-то неладное, и предложила ему уѣхать на время изъ Петербурга. Но это предложеніе явилось запоздалымъ. Пушкинъ рѣшилъ уже кончить дѣло иначе. У него сохранилось письмо, о которомъ мы говорили выше. Онъ его переписалъ, кое-что измѣнивъ въ немъ, и отправилъ Гекерену.

Святогорскій монастырь, гдѣ покоится прахъ Пушкина. Рис. В. Полякова, автотипія Ангерера и Гёшля.

Послѣдовалъ вызовъ Дантеса.

Въ 4 часа пополудни 27-го января 1837 г. за Черной рѣчкой, близъ комендантской дачи, состоялась дуэль. Противники пріѣхали одновременно: Пушкинъ съ подполковникомъ К. К. Данзасомъ, Дантесъ съ виконтомъ д'Аршіакомъ. Въ саженяхъ полутораста отъ дачи выбрали площадку, окруженную густымъ кустарникомъ, скрывавшимъ присутствовавшихъ отъ постороннихъ глазъ. Утоптали ногами снѣгъ, выровняли мѣсто и вызвали противниковъ.

Было очень холодно—свыше 15 градусовъ и, кромѣ того, дулъ рѣзкій вѣтеръ. Пушкинъ былъ закутанъ въ медвѣжью шубу, все время молчалъ, былъ спокоенъ, но иногда выражалъ признаки нетерпѣнія.

Данзасъ спросилъ его:

— Находишь ли удобнымъ выбранное нами мѣсто?

Пушкинъ отвѣчалъ:

— Ça m'est fort égal, seulement tâchez de faire tout cela plus vite. (Мнѣ все равно, но нельзя-ли все это сдѣлать поскорѣй).

Секунданты отмѣрили шаги, отмѣтили барьеры шинелями и стали заряжать пистолеты. Пушкинъ не могъ сдержать своего нетерпѣнія.

— Eh bien! est-ce fini? (Ну, готово-ли?)—обратился онъ къ Данзасу.

Когда все было готово, Данзасъ махнулъ шляпой.

Пушкинъ первымъ подошелъ къ барьеру и остановился, наводя пистолетъ. Но Дантесъ, не дойдя до барьера одного шага, выстрѣлилъ.

Пушкинъ упалъ.

— Je crois que j'ai la cuisse fracassée. (Кажется, у меня раздроблено бедро),—сказалъ онъ.

Секунданты кинулись къ нему, но Пушкинъ удержалъ Данзаса словами:

— Attendez! Je me sens assez de force pour tirer mon coup. (Подожди! У меня хватитъ силъ, чтобы стрѣлять).

Дантесъ ждалъ у барьера, прикрывъ грудь правой рукой. Падая на снѣгъ, Пушкинъ выронилъ изъ рукъ пистолетъ, и Данзасъ подалъ ему другой.

Кн. П. А. Вяземскій такъ разсказываетъ о послѣдовавшей сценѣ:

«Опираясь лѣвой рукой въ землю, Пушкинъ сталъ прицѣливаться въ Дантеса и твердою рукою выстрѣлилъ. Пушкинъ кинулъ вверхъ свой пистолетъ и вскрикнулъ: браво! Послѣ, когда оба противника лежали каждый на своемъ мѣстѣ, Пушкинъ спросилъ д'Аршіака:

«— Est-il tué? (Убитъ-ли онъ?)

Памятникъ Пушкину въ Москвѣ, работы академика М. М. Опекушина. По рис. В. Шлака грав. Пуцъ.

«— Non, mais il est blessé au bras et à la poitrine. (Нѣтъ, но онъ раненъ въ руку и грудь).

C'est singulier: j'avais cru que cela m'aurait fait plaisir de le tuer; mais je sens que non. (Странно, я думалъ, что мнѣ доставитъ удовольствіе убить его; но теперь вижу, что—нѣтъ).

«Д'Аршіакъ хотѣлъ сказать нѣсколько мировыхъ словъ, но Пушкинъ не далъ ему времени продолжать.

Au reste, c'est égal; si nous nous retablissons tous les deux, ce sera à recommencer». (Впрочемъ, все равно; если мы оба поправимся, то придется начать снова).

Рана Дантеса была не опасна, но Пушкинъ былъ раненъ въ животъ. Карета Дантеса привезла Пушкина въ его квартиру на Мойкѣ, въ домѣ князя Волконскаго. Было уже около 6 ч. вечера.

— Грустно тебѣ меня нести? — спросилъ Пушкинъ у камердинера.

Его внесли въ кабинетъ. Онъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье, раздѣлся и легъ. Жена его хотѣла войти, но онъ закричалъ:

N'entrez pas; il y a du monde chez moi. (Не входи: я не одинъ).

Потомъ, когда она вошла, онъ сказалъ ей:

Какъ я счастливъ! Я еще живъ и ты возлѣ меня! Будь покойна! Ты не виновата: я знаю, что ты не виновата...

Между тѣмъ прибылъ докторъ Шольцъ, котораго Пушкинъ, оставшись наединѣ, просилъ сказать правду.

Не могу отъ васъ скрыть — вы въ опасности, — отвѣтилъ тотъ.

Скажите лучше, умираю.

Считаю долгомъ не скрывать и того.

Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi. Il faut que j'arrange ma maison. (Благодарю васъ, вы поступили, какъ честный человѣкъ. Я долженъ устроить свои дѣла).

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ, работы **Ж. А. Полонской.**
По фот. автотипія «Нивы».

Пріѣхавшій докторъ Арендтъ, осмотрѣвъ его и уѣзжая, сказалъ, что отправляется къ государю.

Скажите ему, что умираю, — проговорилъ Пушкинъ: — и прошу у него прощенія за себя и за Данзаса.

Между тѣмъ къ Пушкину собрались друзья, между которыми былъ и Жуковскій.

Ночью пріѣхалъ Арендтъ и привезъ Пушкину собственноручную записку государя, написанную карандашомъ: «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я ихъ беру на свои руки».

Скажите государю, — отвѣтилъ тронутый Пушкинъ: что жалѣю о потери жизни, потому что не могу изъявить ему благодарность, что я былъ бы весь его.

Священникъ причастилъ его. Пушкинъ не хотѣлъ выдавать своихъ страданій при женѣ и крѣпился, а когда она выходила, стоналъ отъ боли и повторялъ: — «Бѣдная жена! бѣдная жена!»

Страданія поэта длились два дня. Мученія его были ужасны, и терпѣніе его замѣчательно. Арендтъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. Ночь на 28-е января была мучительна. Жуковскій пріѣхалъ съ новыми словами утѣшенія отъ государя. Пушкинъ поднялъ руки и сказалъ:

Вотъ какъ я утѣшенъ! Скажи Государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи.

У подъѣзда Пушкина была положительная давка. Всѣ хотѣли его видѣть, но къ нему допускали лишь самыхъ близкихъ знакомыхъ. Умирающій спрашивалъ, кто былъ у него въ домѣ, и говорилъ:

Мнѣ было бы пріятно видѣть ихъ всѣхъ, но у меня нѣтъ силы говорить съ ними.

Онъ постоянно щупалъ свой пульсъ и говорилъ:

Вотъ смерть идетъ!

Данзасъ спросилъ его, не поручитъ ли онъ что-либо передать Гекерену, въ случаѣ смерти. И Пушкинъ отвѣтилъ ему:

Требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ...

Въ два часа пополудни 29-го января Пушкину стало вдругъ хуже. Пришла жена, опустилась на колѣни у изголовья, прижалась лицомъ къ его лицу. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и проговорилъ: — «Ну, ну, ничего! Слава Богу, все хорошо, поди».

Вотъ какъ Жуковскій описываетъ его послѣднія минуты.

«Онъ подалъ руку Далю и, пожимая ее, проговорилъ: — «ну подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну пойдемъ! Но, очнувшись, онъ сказалъ: «мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко!.. и голова закружилась». Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и, потянувъ ее, сказалъ: — «ну, пойдемъ же, пожалуйста, да вмѣстѣ». Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше... Лицо Пушкина прояснилось, и онъ сказалъ: — «кончена жизнь!» Даль, не разслышавъ, отвѣчалъ: — «да, кончено, мы тебя поворотили». — «Жизнь кончена!» — повторилъ умирающій внятно и положительно. «Тяжело дышать, давитъ!».

Это были его послѣднія слова. Въ три четверти третьяго часа пополудни, 29-го января 1837 года, Пушкина не стало.

Съ умершаго поэта были сняты портреты («Пушкинъ въ гробу») и маски, снимки съ которыхъ читатели найдутъ на этихъ страницахъ.

Прахъ поэта былъ перенесенъ изъ его квартиры въ придворно-конюшенную церковь: 1-го февраля было отпѣваніе, а ночью въ тотъ же день тѣло Пушкина было отправлено въ Псковскую губернію, въ Святогорскій монастырь, гдѣ великій поэтъ нашелъ себѣ вѣчный покой. Могила его находится за церковью Успенія Божіей Матери, на краю крутого обрыва. Надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ надписью «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», окруженною лавровымъ вѣнкомъ, возвышается теперь надъ его могилой.

Смерть величайшаго русскаго поэта какъ будто разбудила дремавшее общественное мнѣніе. Только съ того момента, когда глаза его закрылись навѣкъ, общество поняло, что оно потеряло въ его лицѣ и кого оно хоронило.

Лермонтовъ написалъ страстные, проникнутые глубокой печалью и горячимъ негодованіемъ къ убійцамъ Пушкина, стихи.

..Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ.

Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ!.. Спасенья нѣтъ!
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой законъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ!..

Стихи эти разошлись въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ въ рукописныхъ спискахъ и были у всѣхъ на устахъ.

Въ 1880 году Москва съ необыкновеннымъ торжествомъ праздновала открытіе памятника безсмертному поэту, тому, кто самъ себѣ воздвигъ нерукотворный памятникъ въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка. Къ стыду нашей столицы, нужно сказать, что въ Петербургѣ, въ которомъ такъ много пережилъ и въ которомъ умеръ мученической смертью Пушкинъ, ему нѣтъ памятника, если не считать памятникомъ жалкую статуэтку, на Пушкинской улицѣ.

Произведенія Пушкина.

1814.

Пушкинъ началъ писать стихи еще въ дѣтствѣ, а будучи въ Лицеѣ, онъ сталъ ихъ уже печатать. Въ первыхъ его стихотвореніяхъ, относящихся къ лицейскому періоду, чувствуется, конечно, подражательность классическимъ образцамъ. Но и въ этихъ первыхъ, юношескихъ опытахъ уже поражаетъ простота и звучность стиха, какъ напримѣръ въ данномъ антологическомъ стихотвореніи «Блаженство» (рис. на стр. 31), относящемся къ 1814 году.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой,	Ночью, на простой свирѣли
Гдѣ, журча въ травѣ душистой,	Пѣлъ влюбленный пастушокъ.
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,	

Пастушокъ тоскуетъ о пастушкѣ Хлоѣ, измѣнившей ему. Сатиръ учитъ его:

Слушай, юноша любезный,	Такъ поди-жъ теперь, съ похмѣлья,
Мигъ блаженства вѣкъ лови;	Съ Купидономъ помирись;
Помни дружбы наставленья:	Позабудь его обиды,
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,	И въ объятіяхъ Дориды
Нѣтъ и счастья безъ любви;	Снова счастьемъ насладись!

Къ тому же 1814 г. относится и поэма «Осгаръ» (подражаніе Парни). Парни былъ французскимъ поэтомъ, членомъ академіи (1753—1814). Громкая его извѣстность была вызвана похвалой Вольтера, провозгласившаго его французскимъ Тибулломъ. У Пушкина есть много переводовъ и подражаній Парни, не только въ его лицейскихъ стихотвореніяхъ, но и въ стихотвореніяхъ до 1824 г. Онъ упоминаетъ о Парни даже въ «Евгеніи Онѣгинѣ», а, желая похвалить Батюшкова, называетъ его «россійскимъ Парни».

Нашъ рисунокъ (на стр. 31) изображаетъ главную сцену изъ поэмы «Осгаръ».

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лорѣ путникъ шелъ: его напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ тьмѣ густой.

Онъ встрѣчаетъ стараго барда, который, указывая путнику на одну изъ могилъ, разсказываетъ ему исторію Осгара:

Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину;
Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
И тѣнь, упадшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли,
Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!..
Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
И вечеръ горести для юноши насталъ!..

Мальвина измѣнила юношѣ. Однажды онъ входитъ въ ея хижину и видитъ въ объятіяхъ своей возлюбленной Звигнела:

И ярость дикая во взорахъ закипѣла,
Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой:
Онъ грозный мечъ извлекъ—и нѣтъ уже Звигнела,
И блѣдный духъ его сокрылся въ тьмѣ ночной!
Мальвина обняла несчастнаго колѣна.
Но взоры отвративъ: «живи!» вѣщалъ Осгаръ:
«Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна,
Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ.»
И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньѣ,
Окованъ мрачною, безмолвною тоской;
Исчезло сладкое навѣкъ очарованье!
. . . .

Осгаръ провелъ длинный годъ въ молчаливой пустынѣ, потомъ палъ сраженный въ бою Фингаломъ, сыномъ Одена.

1820.

Поэму «Русланъ и Людмила» Пушкинъ задумалъ еще въ лицеѣ, началъ работать надъ ней въ 1817 году и продолжая отдѣлывать и писать ее въ 1818 и 1819 году. Онъ окончилъ ее весною 1820 г. Происхожденіе ея еще не совсѣмъ изслѣдовано; содержаніе ея очень сложно; многое слышанное, вычитанное и пережитое, многое, что произвело на юнаго поэта неотразимое впечатлѣніе, легло въ содержаніе этого перваго крупнаго его произведенія. Имя героя и нѣкоторые эпизоды (напр. съ Головой) взяты изъ сказки «Еруслан Лазаревичъ», которую Пушкинъ слыхалъ въ дѣтствѣ отъ няни Арины Родіоновны. Пиры Владиміра, взятые имъ изъ сборника Кирши Данилова, Баянъ—«изъ Слова о Полку Игоревѣ»; битва Руслана съ Черноморомъ - изъ Аріоста, кое-что даже изъ Жуковскаго. Добродушный и умный юморъ, смѣлое соединеніе фантазіи съ реальностью, жизнерадостное настроеніе—все это было такимъ «новымъ словомъ» въ искусствѣ того времени, такимъ далекимъ отъ шаблонности, напускного паѳоса и формализма, что поэма произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на публику и вызвала недоумѣніе у критики. Уже въ 1824 г. Русланъ попалъ на сцену (Волшебная трилогія кн. А. А. Шаховского—«Финнъ» и большой балетъ Дидло).

Кому не извѣстна эта поэма? Мы не будемъ разсказывать здѣсь ея содержанія, а только приведемъ тѣ мѣста изъ нея, которыя иллюстрированы нашими рисунками (стр. 32, 33 и 34).

Людмила, похищенная со свадебнаго пира, очутилась въ замкѣ колдуна Черномора. Ее стараются развлекать, дарятъ ей наряды и дорогія украшенія.

Три дѣвы красоты чудесной	Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Въ одеждѣ легкой и прелестной	[illegible]
Княжнѣ явились, подошли	Жемчужный поясъ подаетъ.
И поклонились до земли.	Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Тогда неслышными шагами	Веселы пѣсни ей поетъ.
Одна поближе подошла.	Увы, ни камни ожерелья,
Княжнѣ воздушными перстами	Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ.
Златую косу заплела	Ни пѣсни лести и веселья
Съ искусствомъ, въ наши дни не [illegible].	Ея души не веселятъ:
	Напрасно зеркало рисуетъ
И обвила вѣнкомъ перловымъ	Ея красы, ея нарядъ—
Окружность блѣднаго чела.	Потупя неподвижный взглядъ,
За нею, скромно взоръ склоняя,	Она молчитъ, она тоскуетъ.
Потомъ приблизилась другая—	Тѣ, кои правду возлюбя,
Лазурный, пышный сарафанъ	На темномъ сердца днѣ читали,
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;	Конечно, знаютъ про себя,
Покрылись кудри золотыя	Что если женщина въ печали,
И грудь, и плечи молодыя	Сквозь слезъ, украдкой, как-нибудь,
Фатой прозрачной, какъ туманъ.	
Покровъ завистливый лобзаетъ	На зло привычкѣ и разсудку,
Красы, достойныя небесъ,	Забудетъ въ зеркало взглянуть—
И обувь легкая сжимаетъ	То грустно ей ужъ не на шутку.

Является волшебникъ Черноморъ:

Раздался шумъ; озарена	Княжна съ постели соскочила,
Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная.	Сѣдого карлу за колпакъ
	Рукою быстрой ухватила,
Мгновенно дверь отворена:	Дрожащій занесла кулакъ.
Безмолвно, гордо выступая,	И въ страхѣ завизжала такъ,
Нагими саблями сверкая,	Что всѣхъ арановъ оглушила.
Арановъ длинный рядъ идетъ	Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Попарно, чинно, сколь возможно,	Княжны испуганной блѣднѣе;
И на подушкахъ осторожно	Зажавши уши поскорѣе,
Сѣдую бороду несетъ:	Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
И входитъ съ важностью за нею,	Запутался, упалъ и бьется;
Подъявъ величественно шею,	Встаетъ, упалъ: въ такой бѣдѣ
Горбатый карликъ изъ дверей:	Арановъ черный рой мятется:
Его-то головѣ обритой,	Шумятъ, толкаются, бѣгутъ,
Высокимъ колпакомъ покрытой,	Хватаютъ колдуна въ охапку
Принадлежала борода.	И вонъ распутывать несутъ,
Ужъ онъ приблизился; тогда	Оставя у Людмилы шапку.

Между тѣмъ Русланъ спѣшитъ къ невѣстѣ на выручку и вступаетъ по дорогѣ въ бой съ Рогдаемъ, «кровавыхъ битвъ искателемъ» и мрачнымъ обожателемъ Людмилы.

„Блаженство". Рис. С. С. Соломко.
Автотипія «Нивы».

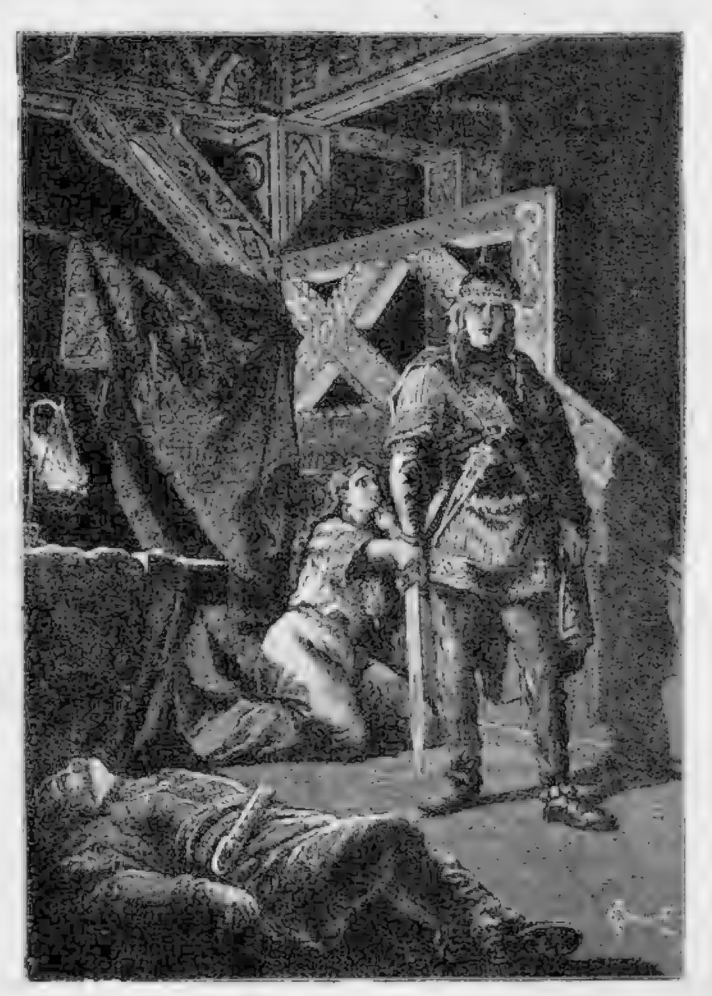
При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены,
Ужъ копья брошены далеко,
Ужъ мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещатъ, въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены;
Переплелись и костенѣютъ;
По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ;
На вражьей груди грудь дрожитъ —
И вотъ колеблются, слабѣютъ —
Кому-то пасть... Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Погибни!» грозно восклицаетъ:
«Умри, завистникъ злобный мой!»

Далѣе, Русланъ встрѣчается съ Головою:

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся синіе туманы,
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный,
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяты;
Храпитъ, качая шлемъ пернатый,
И перья въ темной вышинѣ,
Какъ тѣни, ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвьемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ
И сталъ предъ носомъ молчаливо;
Щекочетъ ноздри копьемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ,
И послѣ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ, я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся:
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь, голова вскричала:
«Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь.
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину, бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!»
Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали,
Изъ устъ, ушей поднялся паръ —
И вдругъ она, что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ —
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня».
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодный
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшеныхъ устъ
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.

Русланъ поражаетъ голову и видитъ на опустѣвшемъ мѣстѣ богатырскій мечь.

Другой обожатель Людмилы, «младой Ратмиръ», поѣхавшій тоже отыскивать похищенную красавицу, подъѣзжая къ волшебному замку, слышитъ звуки пѣсни, которую поетъ на стѣнѣ замка дѣва

„Осгаръ". Рис. С. С. Соломко.
Автотипія «Нивы».

„Русланъ и Людмила“. Людмила передъ зеркаломъ. Ориг. рис. С. С. Соломко. Грав. Ю. Мультановскiй.

„Русланъ и Людмила". Людмила въ замкѣ Черномора. Ориг. рис. И. Панова, грав. Шмидтъ.

„Русланъ и Людмила". Бой Руслана съ Рогдаемъ.
Ориг. рис. Винцмана, автотипія «Нивы»

Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!—
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!
«Здѣсь ночью нѣга и покой.
А днемъ и шумъ, и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о, путникъ молодой!
Она манитъ, она поетъ—
И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ младой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая кованыя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Восторгомъ витязь упоенный
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ.
Бродящій взоръ его блеститъ..

Ратмиръ увлекся дѣвами и остался въ замкѣ наслажденій. Между тѣмъ Русланъ, «местью пламенѣя, достигъ обители злодѣя» и вступаетъ съ нимъ въ жестокій бой.

Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подъемлетъ смутный взоръ
И видитъ—прямо надъ главою—
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечомъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ—и свысока,
Шумя, летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,—
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ, да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ:
Волшебникъ силится, кряхтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь вослѣдъ глядитъ:
Уже колдунъ подъ облаками:
На бородѣ герой виситъ;
Летитъ надъ мрачными лѣсами,
Летитъ надъ дикими горами,
Летитъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой...
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ:
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носитъ,
На третій онъ пощады проситъ:
«О, рыцарь, сжалься надо мной;
Едва дышу, нѣтъ мочи болѣ:
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ:
Скажи—спущусь, куда велишь...
—Теперь ты нашъ; ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ.
Смиренно внемлетъ Черноморъ:
Домой онъ съ витяземъ спустился;
Летитъ—и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
—Знай нашихъ!—молвилъ онъ жестоко.—
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?—и на шлемъ высокій
Сѣдые вяжетъ волоса;
Свистя, зоветъ коня лихого:
Веселый конь летитъ и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живого
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой:
Достигъ—и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.

1821.

«Кавказскій плѣнникъ» имѣлъ еще большій успѣхъ, чѣмъ «Русланъ и Людмила». Пушкинъ окончилъ его въ Каменкѣ въ 1821 г., и уже въ слѣдующемъ году поэма вышла въ свѣтъ въ Петербургѣ, въ изданіи Н. И. Гнѣдича. Въ поэмѣ двѣ части—описательно-этнографическая и романтическо-психологическая. По мнѣнію самого Пушкина, первая часть удалась ему лучше, а во второй онъ хотѣлъ изобразить «это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка». Въ основу поэмы положенъ разсказъ нѣкоего Нѣмцова, о томъ, какъ его будто бы освободила изъ плѣна влюбившаяся въ него черкешенка. Успѣхъ поэмы въ публикѣ былъ неслыханный. И если «Русланъ» далъ поэту [illegible], то «Плѣнникъ» создалъ ему настоящую *славу*. Нѣкоторые изъ стиховъ поэмы тотчасъ же стали поговорками, а она сама сдѣлалась родоначальницею всей нашей обширной и важной кавказской художественной литературы. Въ 20-хъ годахъ «Плѣнникъ» вызвалъ много посредственныхъ подражаній и на другой годъ по выходѣ въ свѣтъ былъ передѣланъ въ балетъ, ставшій очень популярнымъ и долго не сходившимъ со сцены. Фабула поэмы не сложна, и вся прелесть ея заключается въ ея тонѣ, настроеніи и внѣшней отдѣлкѣ стиха: русскій офицеръ попадаетъ въ плѣнъ къ горцамъ: въ него влюбляется черкешенка и помогаетъ бѣжать (рис. на стр. 36).

Свѣтила ночи затмѣвались:
Въ дали прозрачной означались

„Русланъ и Людмила". Русланъ и живая голова.
Ориг. рис. И. Панова, автотипія «Нивы».

„Русланъ и Людмила". Ратмиръ въ волшебномъ замкѣ.
Ориг. рис. **Р. Штейна**, автотипія «Нивы».

Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Плѣнникъ хотѣлъ бѣжать, но онъ былъ закованъ въ цѣпи

Мечтаетъ русскій о побѣгѣ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула;
Вершины скалъ омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ.
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.
Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.
На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги! сказала дѣва горъ:
Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ—твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ».
Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скатилась
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ!—дѣва говоритъ:—
Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ.
«О, другъ мой! русскій возопилъ:
Я твой навѣкъ, я твой до гроба!—
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной...»—Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость—
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно-ль? ты любилъ другую..
Найди ее, люби ее!
О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ уныніе мое?..
Прости! любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости—забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ.—

Въ біографическомъ очеркѣ мы уже говорили о происхожденіи поэмы изъ русской жизни «Братья-Разбойники» (рис. на стр. 37); Пушкинъ остался очень недоволенъ ею и сжегъ набросокъ; но одинъ изъ отрывковъ сохранился, и поэтъ, отдѣлавъ его, послалъ въ печать. Поэма написана была въ 1821 г., а появилась въ «Полярной Звѣздѣ» лишь въ 1825 г. Въ ней есть очень сильныя, поэтически-красивыя мѣста, попадаются исконно-русскія выраженія и обороты. Такъ, напр., всѣмъ извѣстное начало поэмы:

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей...

Разбойники собрались, за Волгою, вокругъ огней, и слушаютъ разсказы новаго пришельца:

Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ...
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.
И что-жъ? попались молодцы:
Недолго братья пировали:
Поймали насъ—и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали...
«По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье.
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ,
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,
И, разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: «лови! лови! уйдутъ!
Два стража издали плывутъ.
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою.
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ изнемогъ...
То захлебнется, то застонетъ
И, какъ свинецъ, пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину;
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь:
Онъ утонулъ—мы въ воду вновь.
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ
И злыя грезы посѣтили.
Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ.
И слезъ горючею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.—

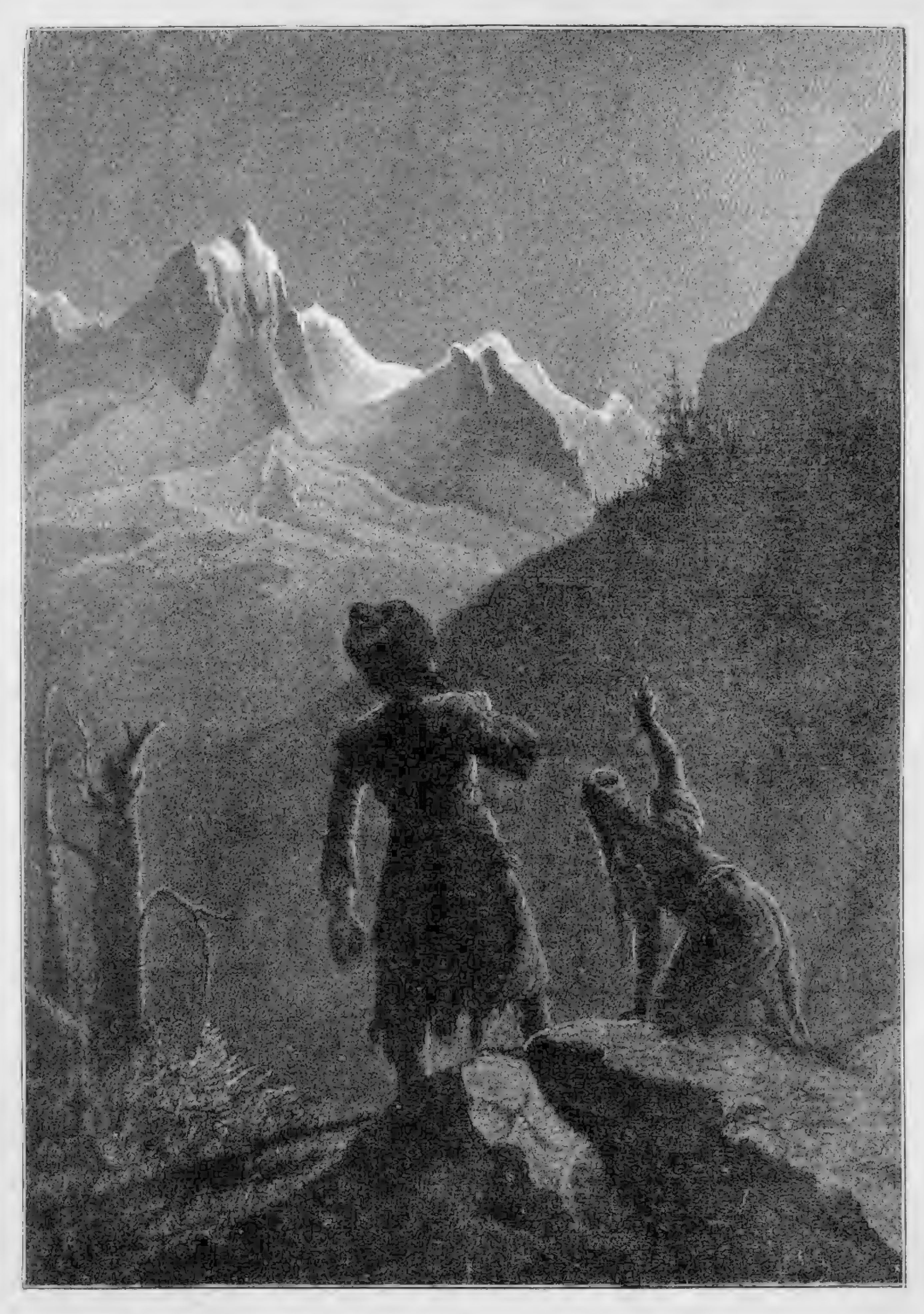
1822.

Живя въ изгнаніи, въ Кишиневѣ, Пушкинъ работалъ надъ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», три иллюстраціи къ которому читатели найдутъ на страницахъ 38, 39 и 40.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился:
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.

„Русланъ и Людмила". Русланъ и Черноморъ.
Ориг. рис. **А. Кившенко**, автотипія «Нивы».

„Кавказскій плѣнникъ“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.

Въ основу «Бахчисарайскаго фонтана» легъ разсказъ Е. Н. Раевской о княжнѣ Потоцкой, бывшей женою хана Керимъ-Гирея.

За описаніемъ двора хана слѣдуетъ изображеніе его гарема:

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы...
... Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли...

И вдругъ, среди этихъ плѣнницъ и рабынь, появилась красавица Марія; еще «недавно милою красой она цвѣла въ странѣ родной; сѣдой отецъ гордился ею, и звалъ отрадою своею».

Давно-ль? И что же? Тьмы татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ той ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною
Цвѣтущій край осиротѣлъ...
...И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица.
... Отецъ въ могилѣ, дочь — въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править
И тягостнымъ ярмомъ безславитъ
Опустошенную страну.

1822.

Иллюстрація наша къ балладѣ Пушкина «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» (на стр. 41) даетъ два момента изъ этого произведенія.

Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному.
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ, и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ.
Что сбудется въ жизни со мною?
«И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,—
Незримый хранитель могущему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ:
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю:
И холодъ, и сѣча ему ничего:—
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»
Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый:
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай,—ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Проходятъ годы.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости:
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя:
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ, выползала:
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась,—
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь...
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега:
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

1824.

По пути изъ Кишинева въ Одессу Пушкинъ присталъ къ

«Братья-разбойники». Ориг. рис. **Н. Лосева**, автотипія «Нивы».

одному цыганскому табору и нѣкоторое время кочевалъ съ нимъ.

Результатомъ этой поэтической фантазіи явилась знаменитая поэма «Цыгане» (рис. на стр. 42).

Цыгане шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь [illegible],
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.

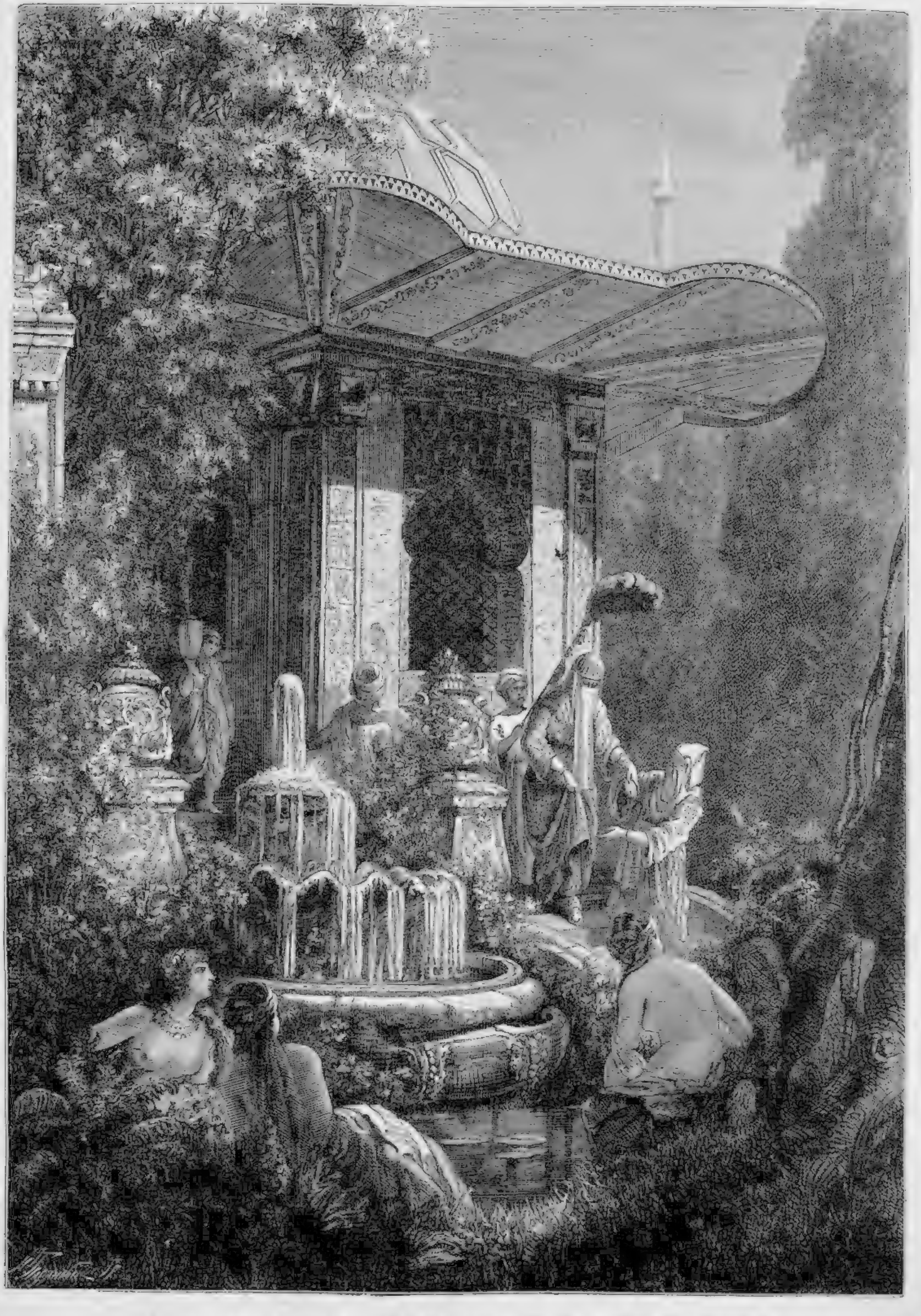
Типъ главнаго героя поэмы Алеко имѣетъ не мало чертъ, связующихъ его съ героями «Братьевъ-разбойниковъ» съ одной стороны, и съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ»—съ другой.

1825.

Во время подневольнаго своего житья въ с. Михайловскомъ, производительность Пушкина была громадна. Одинокій, въ глухой деревнѣ, сидѣлъ онъ цѣлыми днями въ своемъ кабинетѣ и неустанно писалъ. Самымъ значительнымъ и выдающимся произведеніемъ михайловскаго періода является трагедія «Борисъ Годуновъ», или, какъ самъ Пушкинъ озаглавилъ ее: «Комедія о настоящей бѣдѣ московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Онъ началъ ее въ 1824 г., а кончилъ въ августѣ 1825 г. Онъ много подготовлялся къ ней чтеніемъ. «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей, — пишетъ онъ, — дало мнѣ мысль оживить

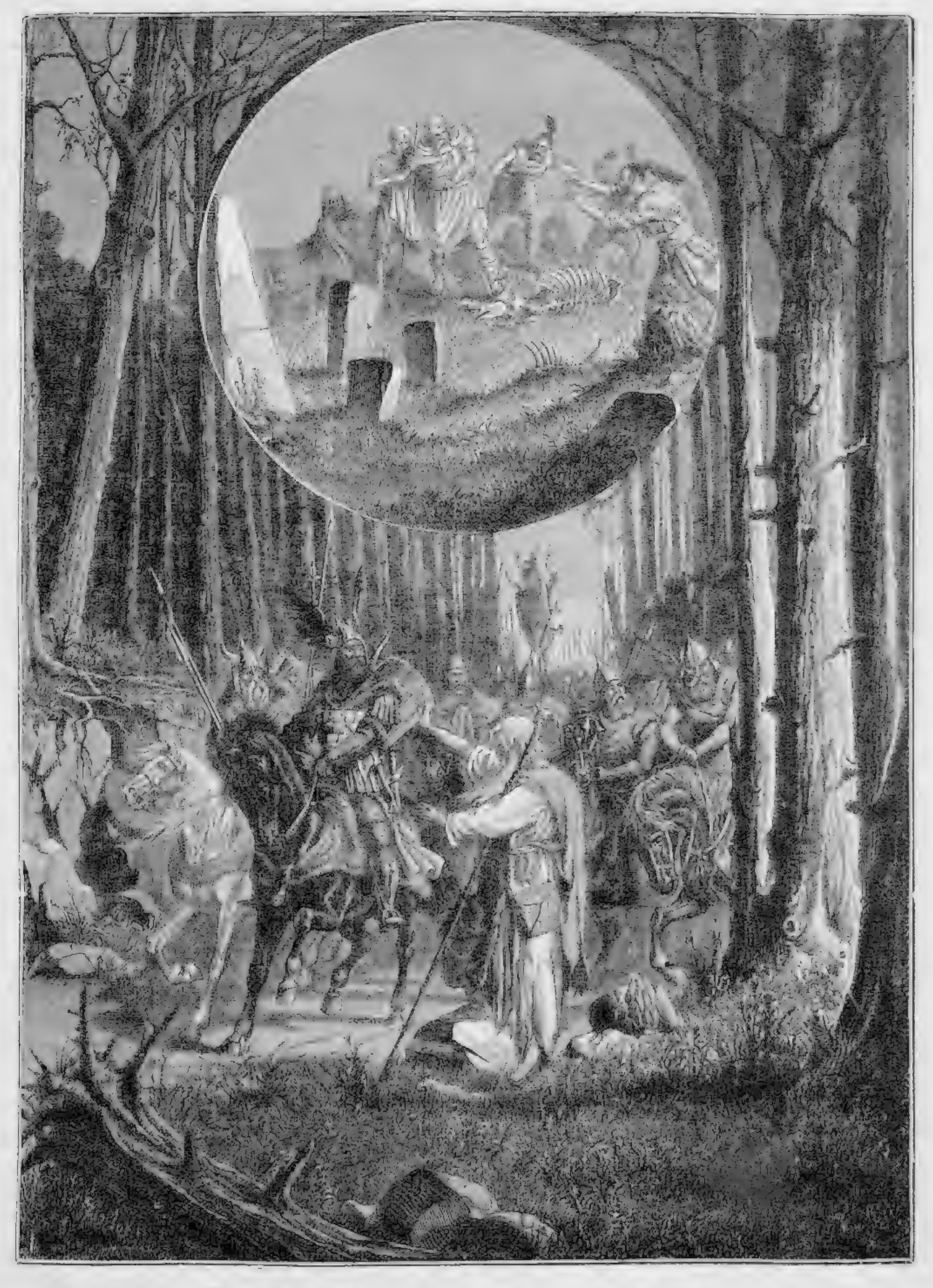
„Бахчисарайскій фонтанъ". Ханъ Гирей въ своемъ дворцѣ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флеголь.

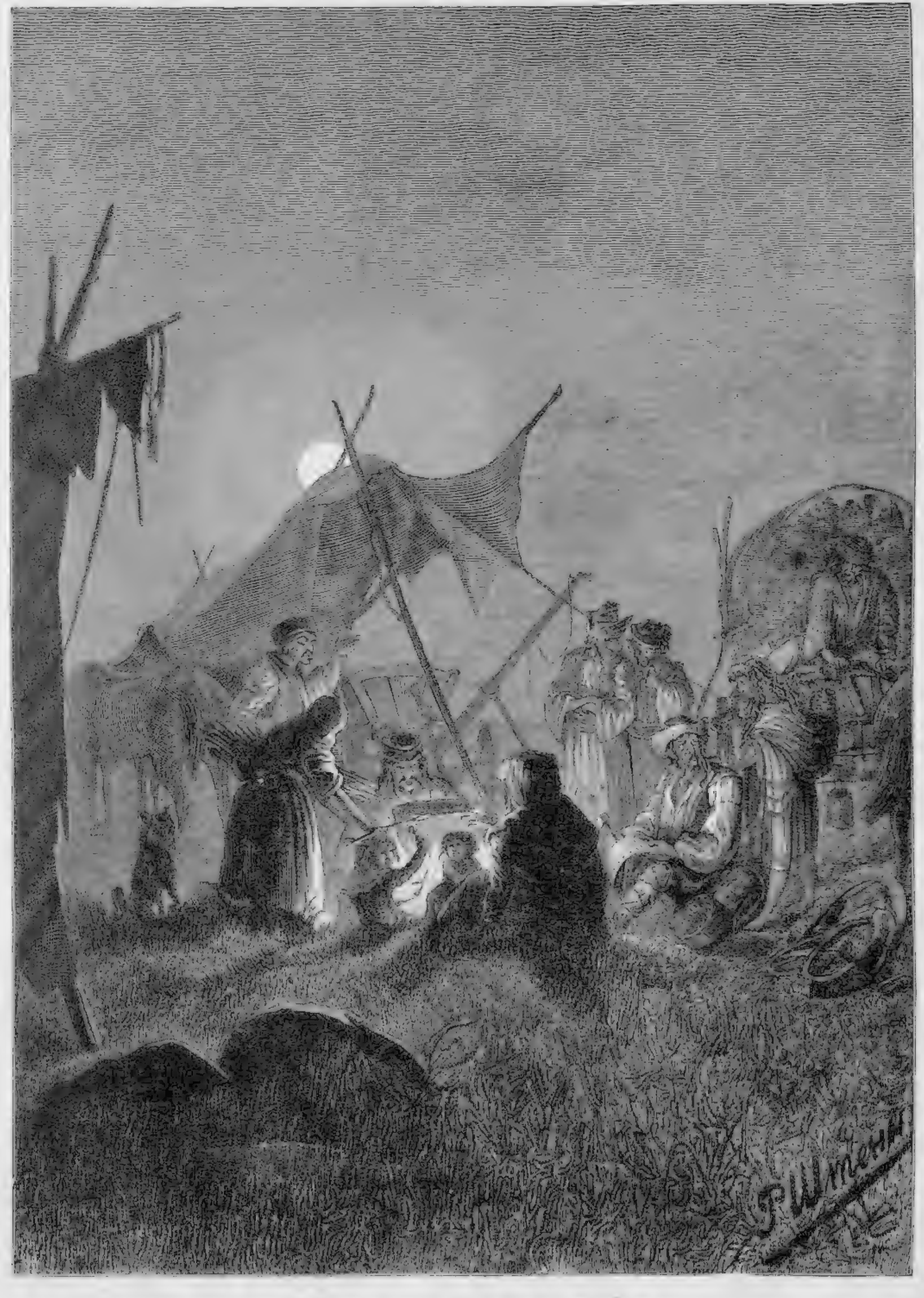
„Бахчисарайскій фонтанъ". Гаремъ хана. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Бар[illegible]

„Бахчисарайскій фонтанъ". Похищеніе Маріи татарами. Ориг. рис. Р. Штейна грав. [illegible]

„**Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ**“. Ориг. рис. Р. Штейна. Грав. Флипова.

„Цыгане". Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Рашевскій

„Борисъ Годуновъ". Въ кельѣ Пимена. Ориг. рис. А. Земцова, автотипія «Нивы».

Второй. При мнѣ.

Первый. Подай-ко сюда.

Мисаилъ. Что ты на меня такъ пристально смотришь?

Первый приставъ. А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

Мисаилъ. Не слыхалъ.

Приставъ. Не слыхалъ? Ладно. А того бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

Мисаилъ. Не знаю.

Приставъ *(Варлааму)*. Умѣешь ли ты читать?

Варлаамъ. Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ *(Мисаилу)*. А ты?

Мисаилъ. Не умудрилъ Господь.

Приставъ. Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.

Мисаилъ. На что мнѣ его?

Приставъ. Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ—ты.

Мисаилъ. Я? Помилуй! Что ты!

въ драматической формѣ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ нашей исторіи. Шекспиру я подражалъ въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался я угадать языкъ тогдашняго времени, — источники богатые: успѣлъ ли я ими воспользоваться — не знаю». Во всякомъ случаѣ онъ сознательно устранилъ изъ драмы все узко-романтическое и все сентиментальное, желая возвыситься до настоящей національной драмы. Надъ второстепенными лицами этого произведенія онъ работалъ съ такимъ же усердіемъ, какъ и надъ главными. Онъ заботился о мелочахъ, но не упускалъ изъ виду всей драмы и хлопоталъ о томъ, чтобы не нарушить впечатлѣнія цѣлаго. Онъ самъ остался очень доволенъ «Борисомъ Годуновымъ». О дальнѣйшей судьбѣ этого произведенія мы говорили уже въ біографическомъ очеркѣ.

Наши рисунки (на этой и на слѣдующихъ двухъ страницахъ) изображаютъ нѣсколько сценъ изъ этой трагедіи.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ. Отецъ Пименъ пишетъ передъ лампадой:

На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіянъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье.
(Пишетъ.)

Пименъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся.
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось—
И падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены...

Другой рисунокъ изображаетъ корчму на литовской границѣ. Въ корчмѣ сидятъ Мисаилъ и Варлаамъ, бродяги въ видѣ чернецовъ, Григорій Отрепьевъ, одѣтый уже мірянином и хозяйка. Входятъ пристава.

Первый приставъ. Алеха! при тебѣ ли царскій указъ?

Приставъ. Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка. Ахъ, они окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставитъ!

Приставъ. Кто здѣсь грамотный?

Григорій *(выступаетъ впередъ)*. Я грамотный!

„Борисъ Годуновъ". Борисъ и юродивый.
Ориг. рис. А. Земцова, автотипія «Нивы».

„Борисъ Годуновъ". Корчма на литовской границѣ. Съ картины Мясоѣдова рис. Пановровъ грав. Кохъ.

„Борисъ Годуновъ“. Самозванецъ на русской границѣ. Ориг. рис. Р. Штейна.

Приставъ. Вотъ на... А у кого же ты научился?

Григорій. У нашего пономаря.

Приставъ *(даетъ ему указъ).* Читай же вслухъ!

Григорій *(читаетъ).* «Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской»...

Приставъ *(Мисаилу).* Какъ же не ты?

Григорій. «И царь повелѣлъ изловить его»...

Приставъ. И повѣсить!

Григорій. Тутъ не сказано: повѣсить.

Приставъ. Врешь! не всякое слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

Григорій. «И повѣсить. А лѣтъ ему, вору Гришкѣ, отъ роду... *(смотря на Варлаама)* за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣетъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое». *(Всѣ глядятъ на Варлаама).*

1-й приставъ. Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

Варлаамъ *(вырывая бумагу).* Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходитъ. *(Читаетъ по складамъ):* «А лѣтъ е-му отъ ро-ду 20».—Что, братъ, гдѣ тутъ 50? видишь—20!

2-й приставъ. Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

1-й приставъ *(Григорію).* Да ты, братъ, видно, забавникъ.

(Во время чтенія Григорій стоитъ, потупя голову, съ рукою за пазухой.)

Варлаамъ *(продолжаетъ).* «А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая». Да это, другъ, ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно.)

Приставы. Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ.)

На слѣдующемъ рисункѣ мы видимъ князя Курбскаго и самозванца, приближающихся къ нашей границѣ. Это было 16-го октября 1604 г.

Курбскій *(прискакалъ первый):*
Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!
Святая Русь! отечество! я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О, мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
Опальныя возрадуются кости!

Самозванецъ *(ѣдетъ тихо съ поникшей головой).*
Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
Ты кровь излить за сына Іоанна
Готовишься, законнаго царя
Ты возвратить отечеству... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

Курбскій:
Ужель и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она—твоя, царевичъ!
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

И наконецъ, на четвертомъ рисункѣ (стр. 43) изображена сцена встрѣчи царя Бориса съ юродивымъ на площади передъ соборомъ въ Москвѣ.

НАРОДЪ.

Одинъ. Скоро ли царь выйдетъ изъ собора?

Другой. Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

Первый. Что? ужъ проклинали того?

Другой. Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ. Гришка Отрепьевъ—анаѳема!

Первый. Пускай себѣ проклинаютъ; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

Другой. А царевичу поютъ вѣчную теперь память.

Первый. Вѣчную память живому! Вотъ ужо имъ будетъ, безбожникамъ.

Третій. Чу! шумъ. Не царь ли?

Четвертый. Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами и окруженный мальчишками).

Мальчишки. Николка, Николка, желѣзный колпакъ!... трррр...

Старуха. Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

Юродивый. Дай, дай, дай копеечку.

Старуха. Вотъ тебѣ копеечка; помяни же меня.

Юродивый *(садится на землю и поетъ).*

Мѣсяцъ ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова.)

Одинъ изъ нихъ. Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь? *(Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ.)* Экъ она звонитъ!

Юродивый. А у меня копеечка есть.

Мальчишка. Неправда; ну, покажи. *(Вырываетъ копеечку и убѣгаетъ.)*

Юродивый *(плачетъ).* Взяли мою копеечку, обижаютъ юродиваго.

Народъ. Царь, царь идетъ! *(Царь выходитъ изъ собора; бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.)*

Юродивый. Борисъ, Борисъ! Николку дѣти обижаютъ!

Царь. Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый. Николку маленькія дѣти обижаютъ. Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

Бояре. Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

Царь. Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка! *(Уходитъ.)*

Юродивый *(ему вслѣдъ).* Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велитъ.

1827.

Въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго», какъ и въ стихотвореніи «Моя родословная», Пушкинъ даетъ намъ свѣдѣнія о своемъ происхожденіи. Въ стихотвореніи перечисляется родня со стороны отца, а въ повѣсти со стороны матери, урожденной Ганнибалъ. Мы говорили подробно и о стихотвореніи, и о повѣсти въ первой главѣ біографическаго очерка. Здѣсь же мы даемъ иллюстрацію (стр. 48) къ повѣсти «Арапъ Петра Великаго».

«Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ (Абрамъ Ганнибалъ) вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову.

— Ба, Ибрагимъ!—закричалъ онъ, вставая съ лавки:—здорово, крестникъ!

Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову.

— Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ, — сказалъ Петръ:—и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.

Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности.

— Вели же,—продолжалъ государь:—твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною—и поѣдемъ ко мнѣ.

Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ—и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ... Государева коляска остановилась у дворца, т. е. у Царицына Сада.

На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ:

— Узнала ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его попрежнему.

Екатерина устремила на него черные, проницательные глаза

и благосклонно протянула ему ручку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія, какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру.

— Лиза!—сказалъ онъ одной изъ нихъ:—помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его.

Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ подозрѣвать героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

1828.

«Утопленникъ» — баллада, написанная Пушкинымъ въ 1828 г. въ селѣ Михайловскомъ. Какъ въ формѣ стиха, такъ и въ содержаніи баллады, Пушкинъ, очевидно, соперничалъ съ Жуковскимъ, и въ смыслѣ народности одерживалъ надъ своимъ учителемъ блестящую побѣду. Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу или русскаго человѣка. На нашемъ рисункѣ (стр. 49) изображены три момента изъ баллады:

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца».
—Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣвѣкъ не разберусь...
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ-жъ мертвецъ?—«Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
[illegible]
Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ, не болтайте,
А не то поколочу».
Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
«Кто тамъ?»—Эй, впусти, хозяинъ!—
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно».
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.
Изъ-за тучъ луна катится—
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,—
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты [illegible]!
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.
Есть въ народѣ слухъ ужасный.
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Въ октябрѣ 1828 г. Пушкинъ началъ «Полтаву» и окончилъ ее въ три недѣли. Первая мысль о поэмѣ изъ жизни Мазепы возникла у него при чтеніи «Войнаровскаго», Рылѣева; изъ нея онъ узналъ, что Мазепа обольстилъ дочь Кочубея; «я изумился,—говоритъ Пушкинъ, — какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства». Пушкину пришла идея изобразить любовную исторію старца гетмана. Съ этой цѣлью онъ сталъ читать «Исторію Малой Россіи», Бантышъ-Каменскаго и множество другихъ источниковъ. Во время этого чтенія, въ головѣ Пушкина создавался планъ поэмы. Рамки ея раздвигались, и романтическій элементъ тѣсно связывался съ историческимъ. Съ этой поэмы началось увлеченіе Пушкина Петромъ Великимъ, которое красной нитью проходитъ черезъ всю его будущую творческую дѣятельность. Поэма вышла въ 1829 г. и не имѣла успѣха. Только немногіе горячіе поклонники Пушкина оцѣнили «Полтаву», которая, опоэтизировавъ природу Малороссіи и ея своеобразный бытъ, направила Гоголя на тотъ же путь («Тарасъ Бульба»). Наши рисунки (на стр. 51—54) даютъ важнѣйшія сцены изъ поэмы:

Вотъ Кочубей въ темницѣ за доносъ на Мазепу. Петръ I не повѣрилъ доносу и выдалъ доносчика гетману.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый...
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
[illegible]
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!..
Но не отшельника святого—
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И, отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?
Орликъ. Гдѣ спряталъ деньги? укажи!
Не хочешь?—Деньги гдѣ? скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ!
Палачъ вошелъ... О, ночь мученій!

Скоро Петръ Великій убѣдился, что доносъ Кочубея былъ вѣренъ, и что Мазепа дѣйствительно измѣнникъ. Полтавскій бой рѣшилъ побѣду русскихъ; Петръ самъ велъ войска въ сраженіе:

Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ счастія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови ши[illegible]
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, [illegible]
Бой барабанный, клики, скрежетъ;
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, [illegible]
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ...
Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенны
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.

Послѣ битвы подъ Полтавой, пораженіе шведовъ оказалось полное, и Карлъ XII принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ; съ нимъ бѣжалъ и Мазепа. Перейдя на сторону шведовъ, онъ выдалъ планы русскаго царя королю шведскому. По дорогѣ онъ встрѣтилъ обольщенную имъ дочь Кочубея, Марію, которая, при извѣстіи о казни отца, убѣжала отъ гетмана и сошла съ ума; безумная, она бродила вокругъ опустѣвшаго дома Кочубея.

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ... Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю,
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,

„Арапъ Петра Великаго". Ориг. рис. Р. Штейна, грав. [illegible]

„Утопленникъ“. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Гашевскiй.

Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.
...Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ.
Предъ ними хуторъ... Что же вдругъ
Мазепа будто испугался?
...Предъ нимъ съ развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной освѣщена...
«Иль это сонъ?... Марія... ты-ли?»

Марія не узнала своего стараго крестнаго и возлюбленнаго: она съ ужасомъ убѣгаетъ отъ него, а онъ съ глубокой горестью прощается «съ роднымъ рубежомъ». Имя его предали анаѳемѣ; память о Мазепѣ угасла, и напрасно бы какой-нибудь чужестранецъ сталъ въ Малороссіи искать его могилы. Могила же Кочубея и до сихъ поръ существуетъ.

1830.

«Какая глубокая и поучительная трагедія!» восклицалъ Бѣлинскій, разбирая «Моцартъ и Сальери» Пушкина, — «но намъ предстоитъ переходить отъ одного чуда искусства къ другому», продолжаетъ онъ въ той же статьѣ,—«и тяжесть взятой нами на себя обязанности смущаетъ насъ своей несоразмѣрностью съ нашими силами. Ничего нѣтъ легче, какъ говорить о слабомъ произведеніи или открывать слабыя стороны хорошаго; ничего нѣтъ труднѣе, какъ говорить о произведеніи, которое велико и въ цѣломъ, и въ частяхъ!.. Къ такимъ принадлежатъ: «Скупой Рыцарь», «Русалка» и «Каменный Гость».

Бѣлинскій называетъ «Каменнаго Гостя» перломъ созданій Пушкина, богатѣйшимъ, роскошнѣйшимъ алмазомъ въ его поэтическомъ вѣнцѣ. «Для кого существуетъ искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности, для того «Каменный Гость» не можетъ не казаться безъ всякаго сравненія лучшимъ и высшимъ въ художественномъ отношеніи созданіемъ Пушкина... Какая дивная гармонія между идеей и формой! Какой стихъ, прозрачный, мягкій и упругій, какъ волна, благозвучный, какъ музыка! Какая кисть, широкая, смѣлая, какъ будто небрежная, какая антично-благородная простота стиля! Какія роскошныя картины волшебной страны, гдѣ ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ!..»

На нашемъ рисункѣ (стр. 54) изображена сцена приглашенія Донъ-Жуаномъ статуи командора въ гости:

Донъ-Жуанъ: Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ—
Нѣтъ, не ко мнѣ, а къ Донѣ-Аннѣ, завтра.
Лепорелло: Статую въ гости звать! Зачѣмъ?
Донъ-Жуанъ: Ужъ, вѣрно,
Не для того, чтобъ съ нею говорить.
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Придти попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.
Лепорелло: Охота вамъ
Шутить, и съ кѣмъ!
Донъ-Жуанъ: Ступай же!
Лепорелло: Но...
Донъ-Жуанъ: Ступай!
Лепорелло: Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно проситъ
Пожаловать... Ей Богу, не могу;
Мнѣ страшно.
Донъ-Жуанъ: Трусъ! вотъ я тебя!..
Лепорелло: Позвольте.
Мой баринъ Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Придти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери...
(Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія.)
Ай!
Донъ-Жуанъ: Что тамъ?
Лепорелло: Ай, ай!..
Ай, ай!.. умру!
Донъ-Жуанъ: Что сдѣлалось съ тобою?
Лепорелло *(кивая головой)*: Статуя... ай!
Донъ-Жуанъ: Ты кланяешься?
Лепорелло: Нѣтъ,
Не я—она!
Донъ-Жуанъ: Какой ты вздоръ несешь!
Лепорелло: Подите сами.
Донъ-Жуанъ: Ну, смотри-жъ, бездѣльникъ!
(Статуѣ.) Я, командоръ, прошу тебя придти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать у двери на часахъ. Что? будешь?
(Статуя киваетъ опять.)
О, Боже!
Лепорелло: Что? я говорилъ...
Донъ-Жуанъ: Уйдемъ.

Въ томъ же 1830 году Пушкинъ написалъ маленькую трагедію «Скупой рыцарь». «Идея ясна сама по себѣ и по названію поэмы,—говоритъ Бѣлинскій.—Скупость страсть не новая, но геній умѣетъ и старое сдѣлать новымъ. Скупецъ Пушкина ужасенъ—это лицо трагическое». Любуясь своимъ золотомъ, старый баронъ говоритъ:

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой, имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Немного, кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,—
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.
(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ.)
Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ,
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
О, если-бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!.. о, если-бъ изъ могилы
Придти я могъ сторожевою тѣнью,
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!..

Изъ маленькихъ стихотвореній, въ этотъ же періодъ, написано Пушкинымъ граціозное стихотвореніе «Предъ испанкой благородной», которое мы приводимъ цѣликомъ (рис. на стр. 56).

Предъ испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
Блещутъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.
Жизни имъ она дороже
И, какъ слава, имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
«Кто, рѣши, любимъ тобою?»
Оба дѣвѣ говорятъ
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

Пушкинъ цѣнилъ романы В. Скотта. Приглядываясь къ ходу европейской литературы, онъ какъ бы предугадалъ скорое торжество правоописательной повѣсти и романа и рѣшилъ испытать свои силы на этомъ поприщѣ. Въ своихъ прозаическихъ повѣстяхъ онъ оставался реалистомъ, убѣжденнымъ противникомъ романтическихъ повѣстей-поэмъ, въ стилѣ Бестужева-Марлинскаго. Онъ очень дорожилъ успѣхомъ своихъ «повѣстей», но, боясь нападокъ критики, скрылъ свое имя. Критика встрѣтила ихъ крайне враждебно, но онѣ раскупались публикой и читались съ удовольствіемъ; и Пушкинъ, больше довѣрявшій публикѣ, чѣмъ критикѣ, счелъ свой опытъ удавшимся. «Станціонный смотритель» — одна изъ маленькихъ его повѣстей, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Повѣсти Бѣлкина», напечатана была въ 1830 г. Трогательная исторія бѣднаго станціоннаго смотрителя, въ простомъ поэтичномъ изложеніи Пушкина, хорошо извѣстна всей читающей публикѣ. На рисункѣ (стр. 56) изображенъ тотъ трогательный моментъ, когда дочь смотрителя, Дуня, послѣ бѣгства ея съ проѣзжимъ гусаромъ изъ отчаго дома, вернулась на родину повидаться съ отцомъ, и нашла только его могилу съ простымъ деревяннымъ крестомъ.

„Полтава“. Кочубей въ темницѣ.
Ориг. рис. Н. Лоренца, по гравюрѣ Шюблера автотипія «Нивы»

Въ концѣ августа 1830 г., Пушкинъ отправился въ имѣніе Болдино, по своимъ дѣламъ, и оставался тамъ три мѣсяца, воспользовавшись этимъ временемъ для литературныхъ работъ; полное уединеніе вызвало у него такой приливъ вдохновенія, какого давно не было. Между прочими вещами онъ написалъ тамъ «Моцартъ и Сальери», небольшую трагедію, которую первоначально назвалъ «Завистью» и которая воплощаетъ идею о сущности взаимныхъ отношеній генія и обыкновеннаго, зауряднаго таланта. Моцартъ—геній, неоспоримый, признанный таковымъ еще при жизни современниками. Сальери—ничто въ сравненіи съ нимъ, талантъ, какихъ много, но умный и благородный; зависть не скоро побѣждаетъ его, да и зависть эта особаго рода: его раздражаетъ простота Моцарта, то, что тотъ не умѣетъ цѣнить себя, свой геній, а потому и искусство. Сальери—жрецъ искусства, и ради этого искусства рѣшается отравить Моцарта, потому что считаетъ это нужнымъ. За обѣдомъ, въ трактирѣ, онъ всыпаетъ въ стаканъ друга-генія ядъ.

Моцартъ.
... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?
Сальери.
Не думаю, онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.
Моцартъ.
Онъ же геній,
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство—
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда-ль?
Сальери.
Ты думаешь?
(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта).
Ну пей-же.
Моцартъ
За твое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.
(Пьетъ).
Сальери.
Постой,
Постой, постой!.. Ты выпилъ!.. безъ меня?
Моцартъ
(бросаетъ салфетку на столъ).
Довольно, сытъ я.
(Идетъ къ фортепіано).
Слушай-же, Сальери,
Мой Requiem. *(Играетъ).*
Ты плачешь?
Сальери.
Эти слезы
Впервые лью: и больно, и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я [illegible],
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ [illegible]
Страдавшій членъ! Другъ Моцар[illegible] эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, сп[illegible]
Еще наполнить звуками мнѣ душу..

Моцартъ. Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда-бъ не м[illegible]
И міръ существовать; никто-бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ [illegible]
[illegible]
Насъ [illegible]
Пренебрегающихъ през[illegible] пользой.
Единаго прекраснаго жре[illegible]
Не правда-ль? Но я нынч[illegible]ровъ,
Мнѣ что-то тяжело: пойду, засну.
Прощай же

Сальери. До свиданья.
(Одинъ.)
Ты заснешь
Н[illegible]. Моцартъ!.. Но ужель онъ правъ,
И я—не геній? Геній и злодѣйство—
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти?.. Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы—и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

«Пушкинъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, поражаетъ знаніемъ человѣческаго сердца; только великіе поэты, какъ Шекспиръ, умѣютъ находить въ тайникахъ человѣческой натуры такія странныя, повидимому, противорѣчія, и изображать ихъ так[illegible], что они становятся намъ понятными безъ объясненія.

„Полтава“. Допросъ Кочубея.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Барановскаго автотипія «Нивы».

„Полтава“. Петръ I передъ битвой. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. [illegible]

1831.

«Евгеній Онѣгинъ» началъ былъ еще въ Кишиневѣ, въ 1823 г. «Что касается до моихъ занятій», —пишетъ Пушкинъ кн. П. А. Вяземскому въ 1823 г.,—«я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана». Въ этомъ романѣ онъ «забалтывается до нельзя», «захлебывается желчью», не надѣется провести романъ черезъ нашу «своенравную цензуру», а потому и пишетъ «спустя рукава». Но начиная со 2 главы, онъ увлекается, раздвигаетъ планъ работы и приходитъ къ твердому убѣжденію, что это будетъ лучшее его произведеніе. «Онѣгина» Пушкинъ писалъ долго, вплоть до 1831 года. Герой романа — Онѣгинъ — баринъ великорусскаго дворянскаго быта, учившійся, какъ всѣ тогда—«чему-нибудь и какъ-нибудь»; какъ большинство въ то время щеголявшій разочарованностью, романтической усталостью и байронизмомъ «москвичъ въ Гаральдовомъ плащѣ» и совершенно несостоятельный при встрѣчѣ съ дѣйствительнымъ жизненнымъ романомъ, героиней котораго является поэтичная, мечтательная, но чистая, здоровая нравственно дѣвушка-провинціалка. Евгеній Онѣгинъ—геніальное воспроизведеніе жизни нашего полукультурнаго дворянства той эпохи. Мы даемъ здѣсь три сцены изъ романа, въ талантливой композиціи Е. П. Самокишъ-Судковской (стр. 58—61).

„Полтава". Бѣгство Карла XII и Мазепы.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Рашевскаго автотипія «Нивы».

Вотъ блестящая характеристика героя романа:

XXIII.

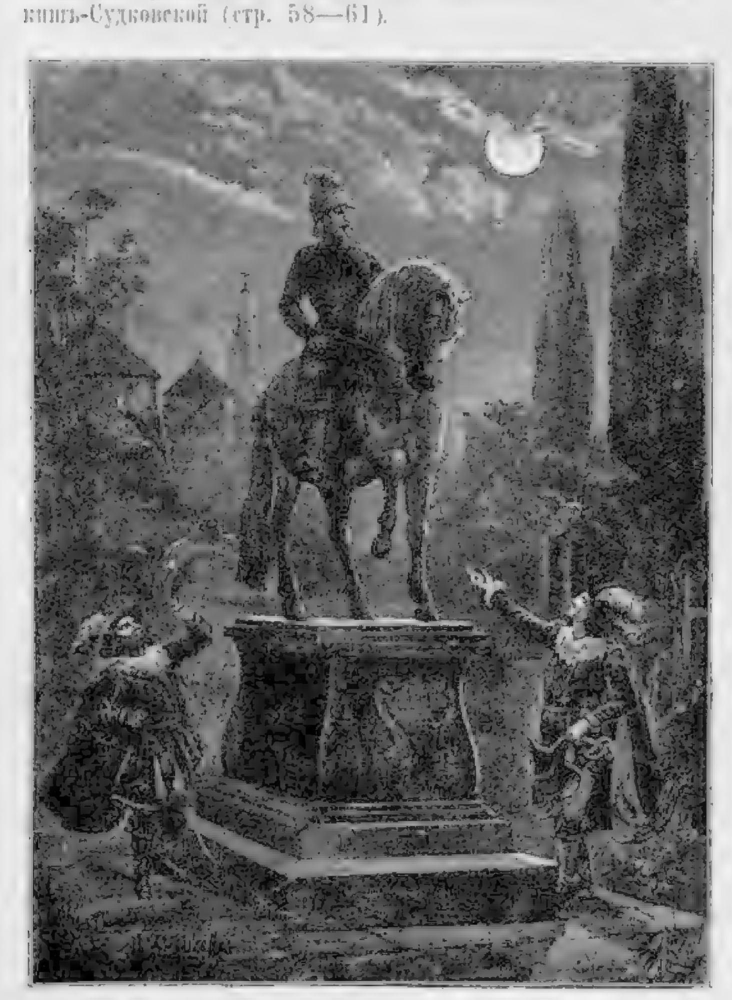
Изображу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрный
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильный
И по балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ:
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодный,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной,
Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ,
И чувствъ изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя,
И щетки тридцати родовъ
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо [замѣчу мимоходомъ]
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ:
Защитникъ вольности и правъ
Въ семъ случаѣ совсѣмъ не правъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей:
Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай—деспотъ межъ людей
Второй Каверинъ, мой Евгеній,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтреной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

„Каменный гость". Ориг. рис. А. Земцова, автотипія «Нивы».

Второй рисунокъ изображаетъ слѣдующую сцену:

XVI.

Тоска любви Татьяну гонитъ.
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

— Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно да сядь ко мнѣ».
— Что, Таня, что съ тобой? —
«Мнѣ скучно;
Поговоримъ о старинѣ».
— О чемъ же, Таня? Я, бывало,
Хранила въ памяти не мало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло...—«Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И, полно, Таня! въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.—
«Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели
И съ пѣньемъ въ церковь повели.

„Скупой рыцарь“. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Флюгель.

„Предъ испанкой благородной“.

Ориг. рис. **С. Соломко**, по грав. Мультановскаго автотипія «Нивы

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую...
Да ты не слушаешь меня...—
—Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!
— Дитя мое, ты нездорова:
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь...—«Я не больна:
Я... знаешь, няня... влюблена.
— Дитя мое, Господь съ тобою!
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

На третьемъ рисункѣ читатель видитъ одну изъ капитальныхъ сценъ романа — объясненіе Онѣгина съ Татьяной, въ саду.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылый
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть-можетъ, чувствій пылъ старинный
Имъ на минуту овладѣлъ:
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства:
Примите исповѣдь мою.
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда-бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда-бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда-бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единый—
То вѣрно-бъ кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно-бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ:
Всего прекраснаго въ залогъ,
Я былъ бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

— Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства—
Ихъ вовсе недостоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать—ваши слезы
Не тронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите-жъ вы, какія розы
Намъ заготовитъ Гименей
И, можетъ-быть, на много дней!»

XV.

Такъ проповѣдовалъ Евгеній.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій—
Татьяна слушала его.
Онъ подалъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, машинально)
Татьяна молча оперлась;
Головкой томною склонясь.
Пошла домой вкругъ огорода;
Явились вмѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ пенять на то:
Имѣетъ сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

Въ этомъ же году Пушкинымъ написана и повѣсть «Барышня-крестьянка».

Повѣсть представляетъ помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія.

Молоденькая дочь помѣщика Муромскаго, Лиза, или Бетси, какъ зоветъ ее отецъ-англоманъ, случайно встрѣчается въ лѣсу съ сосѣдомъ-помѣщикомъ, Алексѣемъ Берестовымъ. Она его мило дурачитъ, представляясь деревенской дѣвушкой Акулиной. Они встрѣчаются въ лѣсу—она съ кузовочкомъ въ рукахъ и въ крестьянскомъ платьѣ; онъ — съ ружьемъ за плечами (рис. на стр. 63); тутъ завязывается между ними знакомство, которое переходитъ затѣмъ въ любовь, и все кончается свадьбой.

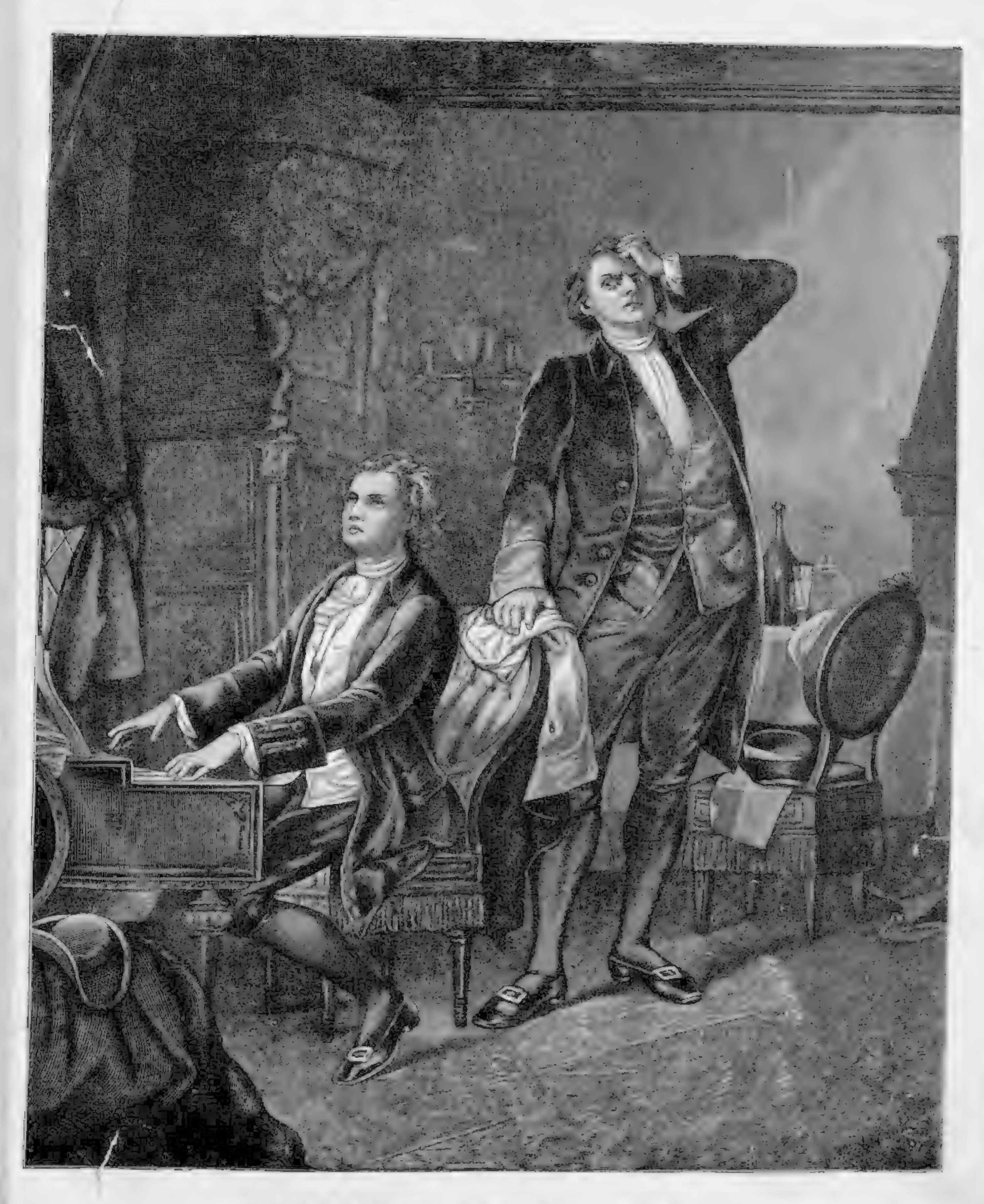
Видаясь, почти ежедневно, съ Жуковскимъ въ 1831 г., Пушкинъ вступилъ съ нимъ, нѣкоторымъ образомъ, въ соперничество на поприщѣ обработки русскихъ народныхъ сказокъ, и въ 1831 г. написалъ сказку «О царѣ Салтанѣ», сюжетъ которой занималъ его гораздо раньше, въ Кишиневѣ, и на этотъ разъ онъ побѣдилъ своего учителя яркостью и жизненностью своихъ образовъ (рис. на стр. 63 и 64).

«Мы объѣхали весь свѣтъ—
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ—
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря,

„Станціонный смотритель“.

Ориг. рис. **Р. Штейна**, по грав. Ольшевскаго автотипія «Нивы».

„Моцартъ и Сальери". Съ картины В. Крюкова грав. [illegible].

„Евгеній Онѣгинъ". Онѣгинъ за туалетомъ. Ориг. рис. Е. П. Самокишъ-Судковской. [illegible] Нивы.

Въ чешуѣ златой горя;
Всѣ—красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ

И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить:
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ:

Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду:
«Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.»
Повариха и ткачиха

Ни-гугу—но Бабариха,
Усмѣхнувшись, говоритъ:
«Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ!
Правду-ль баютъ или лгутъ,

„Евгеній Онѣгинъ". Татьяна и няня. Ориг. рис. Е. П. Самокишъ-Судковской автотипія

Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть—
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,

Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,

Это диво, такъ ужъ диво.
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится.
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.

Онъ надъ ней жужжитъ,
кружится—
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь,—
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
Помогите, ради Бога!

„Евгеній Онѣгинъ“. Татьяна и Онѣгинъ. [illegible] рис. Е. П. Самокишъ-Судковской [illegible] Ангерера и Гешля [illegible]

араулъ! лови, лови,
а дави его, дави..
отъ ужо! пожди немножко.
огоди!..» А шмель въ окошко,
а спокойно въ свой удѣлъ
ерезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что-жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ—

Люди женятся; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу.»
«А кого же на примѣтѣ
Ты имѣешь?»—«Да на свѣтѣ,
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть:

„Бѣсы". Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Пуцъ.

мъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
чью землю освѣщаетъ,
сяцъ подъ косой блеститъ,
во лбу звѣзда горитъ.
сама-то величава,
ступаетъ, точно пава;
адку рѣчь-то говоритъ,

Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда-ль это?»
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И, подумавъ, говоритъ:
«Да! такая есть дѣвица.
Но жена—не рукавица:

Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ—
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться-бъ потомъ.»
Князь предъ нею сталъ божиться,

Что пора ему жениться;
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ идти отсель
Хоть за тридевять земель.

„Барышня-крестьянка". Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Флюгеля автотипія «Нивы».

Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: «зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта—я.
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ,
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.

«Никто изъ русскихъ поэтовъ, —говоритъ Бѣлинскій,—не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ спрыскивать живой водой своей творческой фантазіи матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ, какъ Пушкинъ. Прочтите его «Бѣсовъ» (стр. 62), и вы увидите, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ...»

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ:
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
— Эй, пошелъ, ямщикъ!...—
«Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело:
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня:
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ? —
Кто ихъ знаетъ: пень, иль волкъ?
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу—духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.

1832.

Лѣтомъ 1832 г. Пушкинъ, будучи въ Москвѣ, услыхалъ отъ Нащокина разсказъ о нѣкоемъ Островскомъ, который, вслѣдствіе притѣсненій своего богатаго помѣщика-сосѣда, лишился имѣнія и сдѣлался «врагомъ общества»; поэту сейчасъ же пришла идея сдѣлать изъ этого разсказа романъ, которымъ, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ и занялся съ увлеченіемъ. Черезъ три съ половиною мѣсяца романъ былъ оконченъ; приближаясь къ развязкѣ, Пушкинъ почувствовалъ недовольство своимъ произведеніемъ, и, заключивъ его наскоро набросанными, двумя эффектными сценами, оставилъ въ рукописи, даже не переписаннымъ. «Пушкинъ былъ правъ и въ своемъ увлеченіи, и въ своемъ разочарованіи,—говоритъ проф. Кирпичниковъ:—«по замыслу, «Дубровскій» одно изъ величайшихъ его произведеній, начинающее новую эпоху въ литературѣ; по формѣ, въ какую отлилась идея — это разбойничій романъ. То обстоятельство, что этотъ романъ, съ поглощающимъ интересомъ читается еще и теперь, несмотря на свои недостатки, показываетъ, что Пушкинъ былъ истиннымъ художникомъ и въ слабыхъ своихъ набросках».

Вотъ сцена дикой помѣщичьей забавы добраго стараго времени.

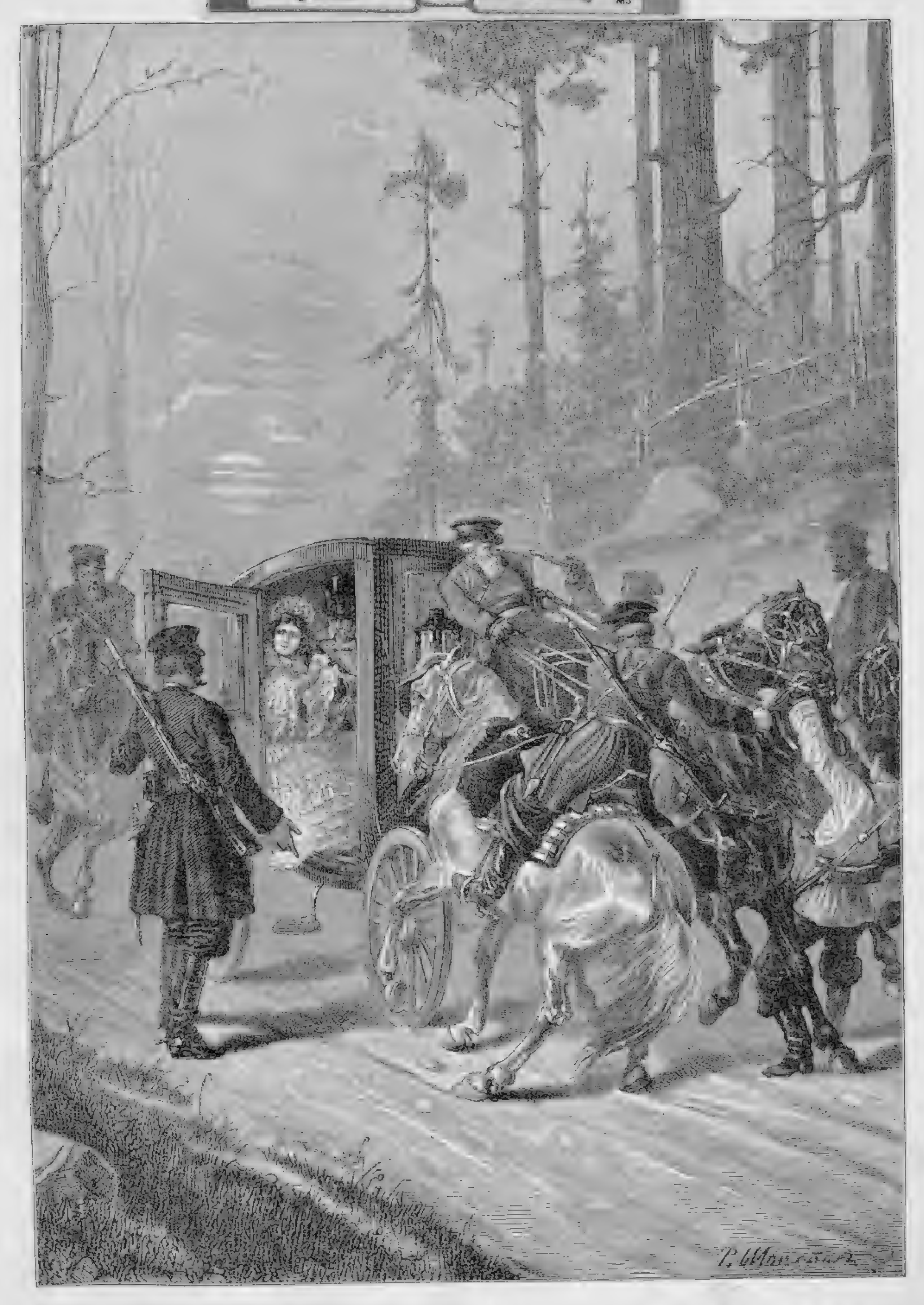
«Проголодавшагося медвѣдя запрутъ, бывало, въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ стѣну. Веревка была длиною почти во всю комнату, такъ что одинъ только противоположный уголъ могъ быть безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнаты, нечаянно вталкивали его къ медвѣдю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косматымъ пустынникомъ. Бѣдный гость, съ оборванной полою, съ оцарапанной рукою, скоро отыскивалъ безопасный уголъ, но принужденъ былъ иногда цѣлые три часа стоять, прижавшись къ стѣнѣ, и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился

„Сказка о царѣ Салтанѣ". Превращеніе лебедя въ царевну.
Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Шюблера автотипія «Нивы».

„Сказка о царѣ Салтанѣ". Черноморъ и богатыри. Ориг. рис. А. Чикина. грав. Шюблеръ.

„Дубровскій". Нападеніе Дубровскаго на свадебный поѣздъ. Ориг. рис. Р. Штейна. грав Барановскій.

"Дубровскій". Борьба француза-учителя (Дубровскаго) съ медвѣдемъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Неймана авт. «Нивы

на дыбы, ревѣлъ, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородныя увеселенія русскаго барина! Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда учителя (Дубровскаго), Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣрился угостить его въ медвѣжьей комнатѣ. Для этого, призвавъ его однажды утромъ, повелъ онъ его темными коридорами; вдругъ боковыя двери отворились— двое слугъ вталкиваютъ въ нее француза и запираютъ ее на ключъ. Опомнившись, учитель увидѣлъ привязаннаго медвѣдя; звѣрь началъ фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него... Французъ не смутился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія. Медвѣдь приблизился; Дефоржъ вынулъ изъ кармана маленькій пистолетъ, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ. Медвѣдь повалился. Всѣ сбѣжались, двери отворились—Кирила Петровичъ (Троекуровъ) вошелъ, изумленный развязкою своей шутки (рис. на этой стр.)

Другой нашъ рисунокъ изображаетъ сцену нападенія Дубровскаго на свадебный поѣздъ.

Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала; думала объ одномъ съ самаго утра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минуту ее не покидала. Но когда священникъ обратился къ ней съ обычнымъ вопросомъ, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшись ея отвѣта, произнесъ невозвратимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ. Она чувствовала холодный поцѣлуй немилаго супруга; она слышала льстивыя поздравленія присутствующихъ, и все еще не могла повѣрить, что жизнь ея была навѣки окована, что Дубровскій не прилетѣлъ освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами—она ихъ не поняла; они вышли изъ церкви; на паперти толпились крестьяне изъ Покровскаго. Взоръ ея быстро ихъ обѣжалъ и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодые сѣли вмѣстѣ въ карету и поѣхали въ **, куда уже Кирила Петровичъ отправился прежде, чтобы встрѣтить тамъ молодыхъ. Наединѣ съ молодою женой князь нимало не былъ смущенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не сталъ докучать ей приторными изъясненіями и смѣшными восторгами; слова его были просты и не требовали отвѣтовъ. Такимъ образомъ, проѣхали они около десяти верстъ; лошади неслись быстро по кочкамъ проселочной дороги, и карета почти не качалась на своихъ англійскихъ рессорахъ. Вдругъ раздались крики погони; карета остановилась, и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полумаскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла молодая княгиня, и сказалъ ей:

— Вы свободны! выходите.
— Что это значитъ? — закричалъ князь: — кто ты таковъ?.
— Это Дубровскій, — отвѣчала княгиня.

Одной изъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ», въ обработкѣ французскаго писателя Мериме, Пушкинъ воспользовался для своей «Русалки», которую писалъ въ зиму 1832—33 г. Эта пѣсня—«Яныпъ-королевичъ». «Русалку» Пушкинъ задумалъ гораздо раньше, еще въ 1828 г. Существуетъ предположеніе, что онъ готовилъ ее въ то время, какъ либретто для оперы А. Н. Есаулова, но это точно не установлено. Это чудное произведеніе нашего поэта осталось неоконченнымъ. Проф. А. Кирпичниковъ говоритъ, что эта народная драма—«высшій пунктъ, котораго достигъ Пушкинъ въ умѣньѣ примирить вѣковое національное творчество съ личнымъ, соединить сказочную фантастику и первобытный лиризмъ съ драматичностью положеній и глубоко-гуманной идеей».

Мы здѣсь даемъ три иллюстраціи къ этому произведенію:

Дочь мельника: Постой, тебѣ сказать [illegible]
Не помню что..
Князь: Припомни.
Она: Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой...
Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся
Князь: Несчастная! Какъ быть? Хоть для него
Побереги себя! Я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Современемъ, быть-можетъ, самъ пріѣду

„Русалка". Прощаніе князя съ дочерью мельника.
Ориг. рис. Коверзнева, по грав. Пупа авт. «Нивы».

Васъ навѣстить. Утѣшься, не крушися.
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(Уходя.) Ухъ, кончено! Душѣ какъ будто легче.
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. *(Уходитъ. Она остается неподвижною.)*
Мельникъ *(входитъ)*: Не угодно-ль будетъ
Пожаловать на мель.. Да гдѣ же онъ?
Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
Такъ и горитъ! И бусы!.. Ну, скажу,
Подарокъ царскій. Ахъ онъ, благодѣтель!..
А это что? мѣшочекъ! Ужъ не деньги-ль?..
Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости нежданной одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашелъ?
Дочь: Не вѣрю,
Не можетъ быть. Я такъ его любила...
Или онъ звѣрь. Иль сердце у него
Косматое?
Мельникъ: О комъ ты говоришь?
Дочь: Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отравой опоили?
Мельникъ: Что съ тобою?
Дочь: Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бъ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по-локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

Днѣпровское дно.

Теремъ русалокъ. Русалки прядутъ около своей царицы.

Старшая русалка: Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло,
Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно!
Плывите вверхъ, подъ небомъ поиграть,
Да никого не трогайте сегодня:
Ни пѣшехода щекотать не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
Травой и тиной, ни ребенка въ воду
Заманивать разсказами о рыбкахъ.
(Входитъ русалочка.)
Гдѣ ты была?
Дочь: На землю выходила
Я къ дѣду. Онъ вчера меня просилъ
Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала:
А что такое деньги—я не знаю.
Однакоже я вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.
Русалка: Безумный скряга!
Послушай, дочка: нынче на тебя
Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Придетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ:
Онъ—твой отецъ.
Дочь: Тотъ самый, что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился?
Русалка: Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся
И разскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, также
И про меня. И если спроситъ онъ:
Забыла-ль я его иль нѣтъ—скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?
Дочь: О! поняла.
Русалка: Ступай же. *(Одна.)* Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло ужъ восемь долгихъ-долгихъ лѣтъ:
Я каждый день о мщеньи помышляю—
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

Настоящимъ героемъ поэмы «Мѣдный всадникъ», являются не Евгеній, а Петербургъ. Начинается она грандіозной картиной, изображающей Петра, задумавшаго основать новую столицу, и продолжается описаніемъ этой столицы въ современномъ Пушкину состояніи.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ.

Эти полные «высокой и мощной поэзіи» стихи служатъ введеніемъ къ разсказу, основанному на истинномъ происшествіи и дающему описаніе страшнаго наводненія, постигшаго Петербургъ въ 1824 г. (рис. на стр. 70). Съ исторіей наводненія Пушкинъ тѣсно слилъ исторію любви. «Картина наводненія,—говоритъ Бѣлинскій,—написана у Пушкина красками, которыя цѣною жизни готовъ бы былъ купить поэтъ прошлаго вѣка, помѣшавшійся на мысли написать эпическую поэму «Потопъ». Тутъ не знаешь, чему больше дивиться,—громадной ли грандіозности описанія, или его почти прозаической простотѣ, что вмѣстѣ взятое доходитъ до высочайшей поэзіи.»

Погода пуще свирѣпѣла:
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы,—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.

Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: «съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать»...

Кто не знаетъ прелестной сказки «О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ»? Повѣсть о томъ, какъ злая мачиха, во что бы то ни стало, хотѣла избавиться отъ своей красавицы-падчерицы, и, изводя ее всѣми способами, прислала ей, наконецъ, отравленное яблоко. Женихъ царевны, Елисей, находитъ свою невѣсту мертвой въ стеклянномъ гробѣ и своимъ поцѣлуемъ оживляетъ ее (рис. на стр. 71):

Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И, качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
«Какъ же долго я спала!
И встаетъ она изъ гроба...
«Ахъ!..» и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И, на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И, бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка царская жива!

Въ основу своей сказки о «Золотомъ пѣтушкѣ» Пушкинъ взялъ извѣстную народную сказку, опоэтизировавъ ее своимъ стихомъ и колоритомъ (рис. на стр. 73 и 74).

Годъ, другой проходитъ мирно,
Пѣтушекъ сидитъ все смирно.
Вотъ однажды царь Додонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
«Царь ты нашъ! отецъ народа!
Возглашаетъ воевода:
Государь! проснись! бѣда!»
Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ царь Додонъ.
Что за чудо?—мыслитъ онъ.
Вотъ осьмой ужъ день проходитъ.
Войско въ горы царь приводитъ,
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ.
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣ[illegible]
Рать побитая лежитъ.
Царь Додонъ къ шатру спѣшитъ...
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шеломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ.
Мечъ вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ..
Царь завылъ: «охъ, дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Всѣ завыли за Додономъ:
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя, какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Додономъ
Улыбнулась,—и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.

„Русалка". Свиданіе князя съ дочерью мельника. Ориг. рис. В. Васнецова, грав. Куренковъ.

„Русалка“. Днѣпровское дно. Русалка и ея дочь. Ориг. рис. И. Волкова, грав. Флюгель.

„Мѣдный всадникъ". Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Рашевскій.

„Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Шюблеръ

Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать:
И потомъ недѣлю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Додонъ.
  Наконецъ, и въ путь обратный
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой,
Царь отправился домой...
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его, мудрецъ.
«А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ царь ему: что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?»
- «Царь! отвѣтствуетъ мудрецъ:
Разочтемся, наконецъ.
Помнишь? за мою услугу,
Обѣщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, какъ свою.
Подари-жъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу».—
Плюнулъ царь: «такъ лихъ же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты, грѣшникъ, мучишь.
Убирайся, цѣлъ пока:
Оттащите старика!
Старичокъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить:
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ.—Вся столица
Содрогнулась, а дѣвица
Хи-хи-хи, да ха-ха-ха!
Не боится, знать, грѣха.
Царь, хоть былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно.
Вотъ въѣзжаетъ въ городъ онъ.
Вдругъ раздался легкій звонъ,—
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ:
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И, взвился... и въ то же время
Съ колесницы палъ Додонъ:
Охнулъ разъ—и умеръ онъ;
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала.
Сказка—ложь, да въ ней намекъ.
Добрымъ молодцамъ урокъ.

По мнѣнію Бѣлинскаго поэма «Анджело» представляетъ собою переходъ отъ эпическихъ поэмъ къ драматическимъ; по крайней мѣрѣ діалогъ играетъ въ этой пьесѣ большую роль. Содержаніе поэмы слѣдующее.

Суровый правитель одного изъ итальянскихъ городовъ, Анджело, временно замѣстившій стараго Дука, отправившагося въ путешествіе, воскресилъ къ жизни давно забытый законъ о прелюбодѣяніи, каравшій смертной казнью этотъ проступокъ. Молодой патрицій Клавдій первый подпадаетъ подъ дѣйствіе этого закона. Но Анджело любитъ сестру Клавдія Изабеллу и за ея взаимность обѣщаетъ ей жизнь брата.

Сестра отправляется къ Клавдію въ темницу, чтобы передать ему рѣшеніе правителя (рис. на стр. 74).

Клавдіо: Смерть ужасна!
Изабелла: И стыдъ ужасенъ.
Клавдіо: Такъ—однакожъ... умереть,
Идти невѣдомо куда, во гробѣ тлѣть,
Въ холодной тѣснотѣ... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу.
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ пространствомъ безконечнымъ.
Изабелла: О, Боже!
Клавдіо: Другъ ты мой! сестра! позволь мнѣ жить.
Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата.
Природа извинитъ.
Изабелла: Что смѣешь говорить?
Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь!.. кровосмѣситель! Нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя, чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцомъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе.
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спасти тебя могла лишь волею моею,
То все-таки бъ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь—ужъ ни одной.
Клавдіо: Сестра, постой, постой!
Сестра, прости меня...

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Не что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтый...
Младой отшельницы подслушавъ весь разсказъ,
Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое-что... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
«Я слышалъ все,—сказалъ: ты похвалы достойна:
Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
Предайся-жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь».

1835.

Созданіе «Египетскихъ ночей» относится ко второй половинѣ 1835 г., когда Пушкинъ принялся за отдѣлку этой оригинальной по замыслу и по формѣ повѣсти. Въ содержаніе этого произведенія вошла античная поэма, занимавшая творческій умъ Пушкина еще въ Кишиневѣ. «Египетскія ночи» написаны прозой и стихами. Въ прозаической части повѣсти выведенъ современный поэту большой свѣтъ и странный характеръ его отношеній къ искусству и къ его жрецамъ. Въ стихотворной части, поэтъ переноситъ насъ въ атмосферу древняго римскаго міра, уже одряхлѣвшаго и утратившаго всѣ свои вѣрованія, но все еще жаднаго до наслажденій, все еще готоваго купить эти наслажденія цѣною жизни. Бѣлинскій называетъ «Египетскія ночи»—воскресшимъ, подобно Помпеѣ и Геркулануму, древнимъ міромъ на закатѣ его жизни; стихи, которыми написана повѣсть, считаетъ «чудомъ искусства» и восхищается колоритомъ и стилемъ этого произведенія (рис. на стр. 75).

  Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу:
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...
  И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости; хоръ молчитъ;
Но вновь она чело подъемлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
«Въ моей любви для васъ блаженство:
Блаженство можно вамъ купить...
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю...»
  «Клянусь.. о, матерь наслажденій!
Тебѣ неслыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
И боги грознаго Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!»
  И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій опміамъ,
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ.

1836.

Лучшую свою прозаическую повѣсть—«Капитанскую дочку», Пушкинъ задумалъ въ 1833 году, во время своихъ усиленныхъ работъ по подготовкѣ матеріаловъ къ «Исторіи Пугачевскаго бунта», но въ совершенно иномъ видѣ. Въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, повѣсть появилась въ 1836 году въ 4-й книжкѣ *Современника*. Публика отнеслась холодно къ этому произведенію, въ которомъ, однако, было столько художественныхъ красотъ и въ особенности реализма характеровъ и картинъ, что «Капитанская дочка» оказала огромное и благотворное вліяніе на будущія судьбы нашего историческаго романа. «Капитанская дочка», по мнѣнію проф. А. Кирпичникова—наиболѣе яркое проявленіе того поворота въ творчествѣ Пушкина, который чувствуется уже послѣ 1830 года и который самъ поэтъ называетъ воспѣваніемъ *милосердія* и призывомъ милости къ падшимъ. Другой критикъ, Бѣлинскій, говоритъ, «что «Капитанская дочка»—нѣчто въ родѣ «Онѣгина» въ прозѣ. Поэтъ изображаетъ въ ней нравы русскаго общества въ царствованіе Екатерины.»

Приводимъ три отрывка изъ этой повѣсти.

1) Гриневъ встрѣчаетъ плотъ съ висѣлицей.

«...Я увидѣлъ въ сумракѣ что-то плывшее внизъ по Волгѣ. Незнакомый предметъ приближался. Я велѣлъ гребцамъ остановиться и дождаться.

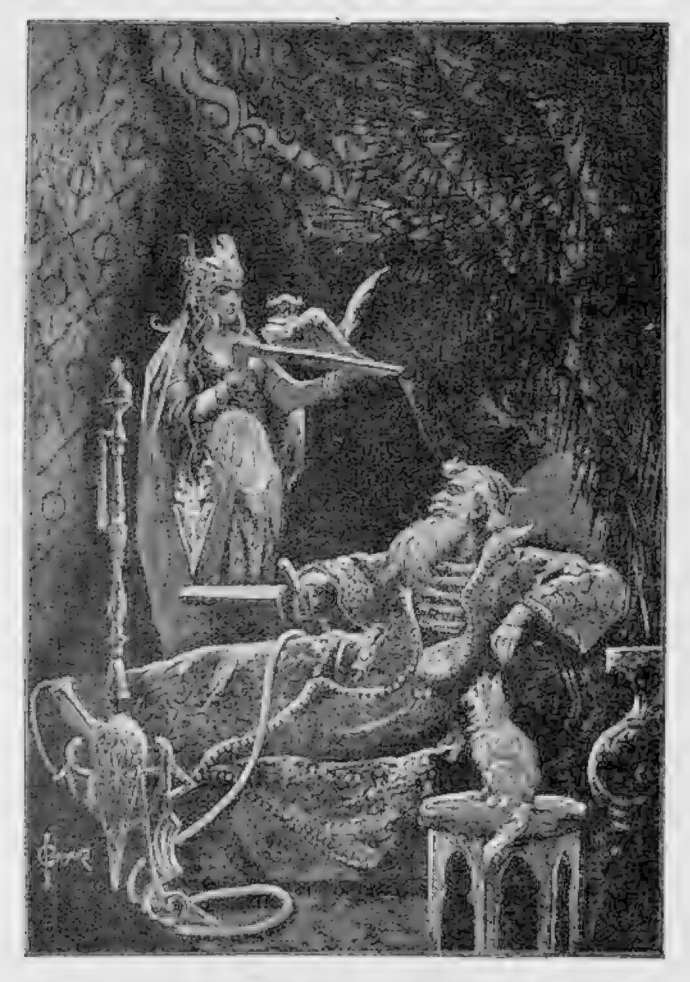
Луна зашла за облако. Плавающій призракъ сдѣлался еще темнѣе. Онъ былъ отъ меня уже близко, и я все еще не могъ его различить.

— Что бы это было?—говорили гребцы:—парусъ не парусъ, мачта не мачта.

Вдругъ луна вышла изъ-за облака и озарила зрѣлище ужасное. Къ намъ навстрѣчу плыла висѣлица, утвержденная на плоту. Три тѣла висѣли на перекладинѣ. Болѣзненное любопытство овладѣло мною. Я захотѣлъ взглянуть на лица висѣльниковъ. По моему приказанію гребцы зацѣпили плотъ багромъ, и лодка моя толкнулась о плывущую висѣлицу. Я выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами. Полная луна озаряла обезображенныя лица несчастныхъ. Одинъ изъ

„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ". Встрѣча царя Додона съ колдуномъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, [illegible] Флюгель

„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“. Царь Додонъ и Шамаханская царица. Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Шюблера авт. „Нивы“.

нихъ былъ старый чувашъ, другой—русскій крестьянинъ, сильный и здоровый малый лѣтъ 20-ти. Взглянувъ на третьяго, я сильно былъ пораженъ и не могъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву. Надъ ними прибита была черная доска, на которой бѣлыми крупными буквами было написано: «Воры и бунтовщики». Гребцы равнодушно ожидали меня, удерживая плотъ багромъ. Я сѣлъ опять въ лодку. Плотъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. Висѣлица долго чернѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, и лодка моя пристала къ высокому и крутому берегу» (рис. на стр. 76—77).

2) Гриневъ у Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ въ высокой шапкѣ и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ его сотоварищей, съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляда. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла.

— А, ваше благородіе!—сказалъ онъ мнѣ съ живостью: какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?

Я отвѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу и что люди его меня остановили.

— А по какому дѣлу?—спросилъ онъ меня.

Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста.

— Говори смѣло при нихъ,—сказалъ мнѣ Пугачевъ:—отъ нихъ я ничего не таю.

Я взглянулъ наискось на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, тщедушный и сгорбленный старичокъ съ сѣдою бородкою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку. Но вѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго роста, дороденъ и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ ноздрей и красноватыя пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому, широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый капралъ Бѣлобородовъ; второй—Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ сибирскихъ рудниковъ (рис. на стр. 78).

3) Марья Ивановна и Екатерина II.

Мысль увидѣть императрицу лицомъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно объяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой:

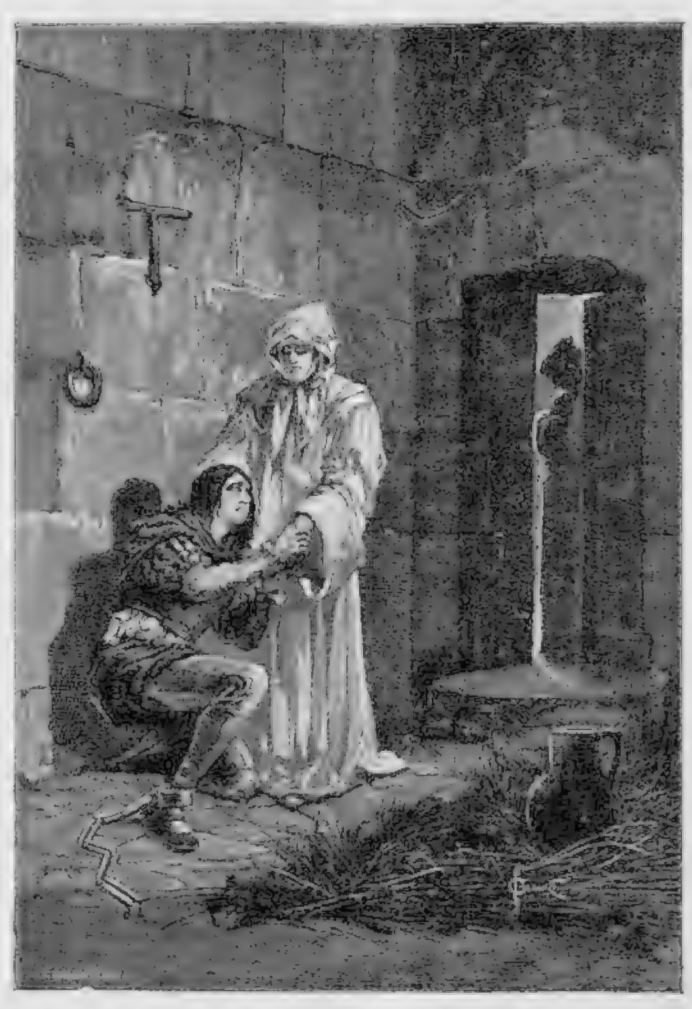
— Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. (Рис. на стр. 78).

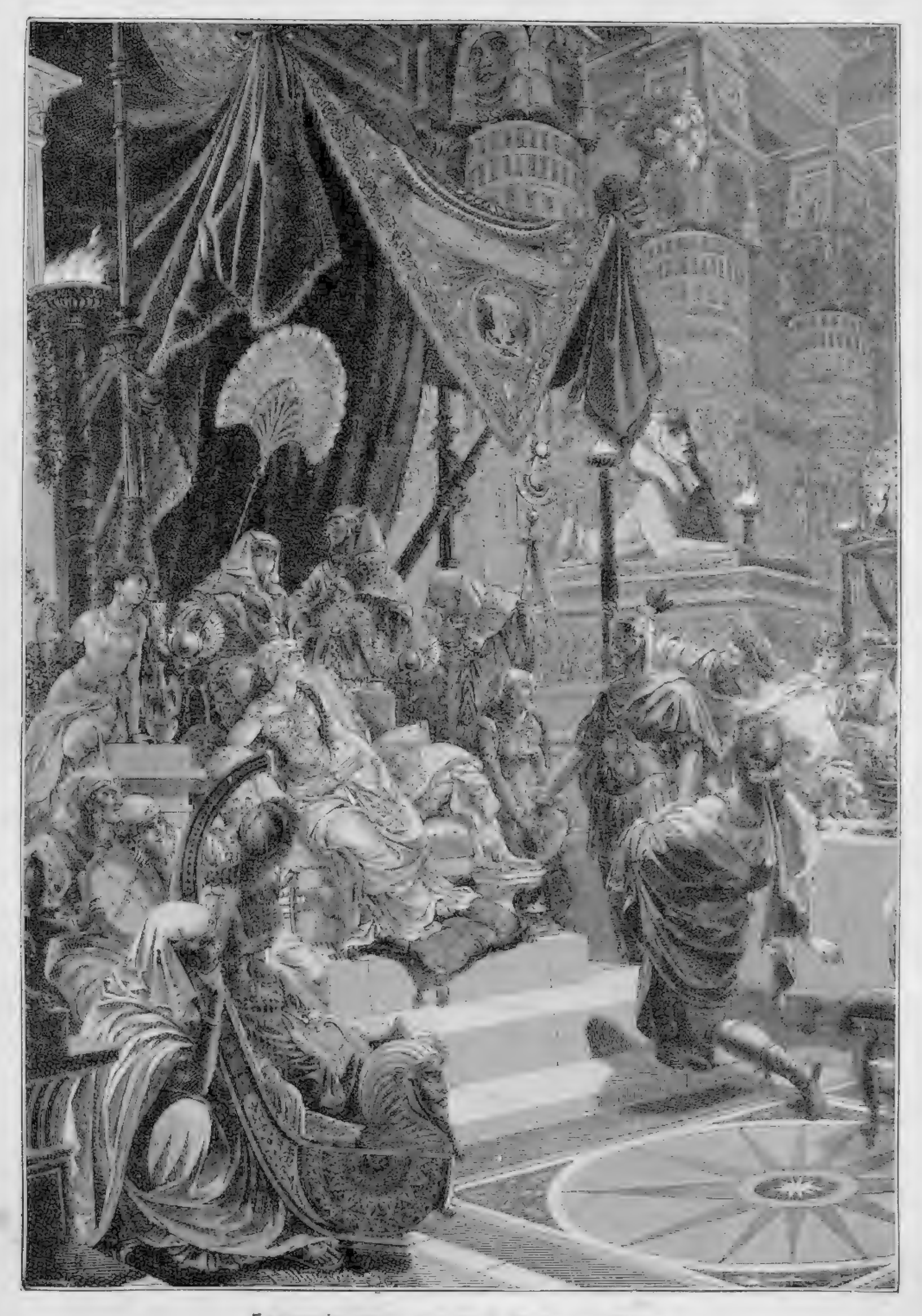
— Знаю, что вы не богаты,—сказала она:—но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.

Обласкавъ бѣдную сироту,—государыня ее отпустила.

Вспомнивъ жизнь Пушкина и давъ обзоръ его произведеній, мы въ слѣдующей, заключительной статьѣ постараемся выяснить общее его значеніе.

„Анджело“. Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Ольшевскаго автотипія „Нивы“.

„Египетскія ночи". Ориг. рис. Р. Штейна, грав. [illegible]

„Капитанская дочка". Гриневъ встрѣчаетъ на Волгѣ плотъ съ висѣлицей. [illegible] Н. Н. Каразина. [illegible]

„Капитанская дочка". Встрѣча Гринева съ Пугачевымъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Барановскаго автотипія «Нивы».

Значеніе Пушкина.

Три писателя, изъ которыхъ каждый составляетъ гордость и славу русской литературы, старались опредѣлить значеніе Пушкина.

Одинъ изъ нихъ, Гоголь, сказалъ: «Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что̀ такое самъ поэтъ, и ничего больше, —что̀ такое поэтъ, взятый не подъ вліяніемъ какого-нибудь времени или обстоятельствъ, и не подъ условіемъ также собственнаго, личнаго характера, какъ человѣка, но въ независимости отъ всего». Другой писатель, Тургеневъ заявилъ: «Пушкинъ былъ центральный художникъ, человѣкъ, близко стоящій къ самому средоточію русской жизни». Наконецъ третій, Достоевскій, провозгласилъ, что въ появленіи Пушкина «заключается для всѣхъ насъ, русскихъ, нѣчто безспорно пророческое». Пушкинъ рисовался Достоевскому, какъ великій «русскій скиталецъ», которому необходимо всемірное счастье, чтобъ успокоиться, который первый отразилъ въ себѣ одну изъ главныхъ нашихъ національныхъ чертъ—стремленіе быть всечеловѣкомъ, жить общею жизнью всего міра, внести примиреніе въ европейскія противорѣчія, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ.

Вотъ три оцѣнки значенія Пушкина.

Пушкинъ былъ «поэтъ и больше ничего». Можно ли высказать бо̀льшую похвалу? Вѣдь быть поэтомъ въ истинномъ значеніи этого слова значитъ олицетворять собою высшую правду, доступную человѣку, мыслителю, гражданину, значитъ забыть о себѣ и жить только для этой правды, т.-е. стремиться къ красотѣ и истинѣ.

Пушкинъ былъ человѣкъ, близко стоящій къ самому «средоточію русской жизни». Это простое на видъ слово составляетъ также верхъ похвалы, которую можно сказать о писателѣ. Оно означаетъ, что никто не понялъ такъ глубоко, какъ Пушкинъ, русскую жизнь, ибо о комъ же можно сказать, что онъ близко стоялъ къ самому «средоточію» ея? Русскую жизнь изучали и изучаютъ многіе проницательные и талантливые люди, но по большей части даже самые выдающіеся изъ нихъ отмѣтили и выяснили только одну или нѣсколько ея сторонъ, а приблизиться къ ея средоточію—никому еще не удалось.

Пушкинъ былъ «всечеловѣкъ». Онъ понялъ высшія проявленія человѣческой души, онъ не только жилъ жизнью своего народа, но въ этой жизни уразумѣлъ общечеловѣческую тоску и предначерталъ тотъ путь, на который вступитъ Россія сама и который она укажетъ остальнымъ народамъ.

Прибавимъ къ этому, что такіе выдающіеся писатели, какъ Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, единодушно признавали Пушкина своимъ руководителемъ, которому они старались только подражать, какъ робкіе ученики подражаютъ великому учителю.

Приведенные нами отзывы и самый фактъ признанія лучшими нашими писателями Пушкина недосягаемымъ образцомъ уже вполнѣ устанавливаютъ его громадное значеніе въ жизни и литературѣ. Въ виду этихъ отзывовъ и этого факта можетъ показаться страннымъ и даже непонятнымъ, что были полосы въ нашемъ прошломъ, когда великое значеніе Пушкина меркло, когда не тотъ или другой критикъ, а какъ бы все общество временно забывало о Пушкинѣ. Явленіе это, повторяемъ, могло бы казаться непонятнымъ, если бы мы не знали, что и солнце для насъ иногда меркнетъ, застилаясь густымъ слоемъ тучъ... Но тучи разбиваются, въ нихъ образуются просвѣты, и солнце опять торжествуетъ, обдавая землю и все, на ней живущее, потоками свѣта и тепла. Это повторилось и съ Пушкинымъ: мы забывали о немъ, но постоянно къ нему возвращались, и наступившая столѣтняя годовщина его рожденія составляетъ опять въ нашей жизни одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ, радостныхъ, яркихъ солнечныхъ дней, когда всѣ мы, какъ бы различны ни были наши чувства и воззрѣнія, сливаемся въ общемъ сознаніи того, чѣмъ былъ для насъ Пушкинъ и чѣмъ онъ для насъ всегда останется...

„Капитанская дочка". Марья Ивановна у императрицы.
Оригин. рис. Р. Штейна, по грав. Неймана автотипія «Нивы».

Литературный альбомъ. „Евгеній Онѣгинъ“ А. С. Пушкина. Балъ у Лариныхъ.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Е. П. Самокишъ-Судковской, автотипія «Нивы».

Не блестящимъ метеоромъ пронесся онъ по небосклону русской поэзіи. Нѣтъ, его нарожденіе можно прослѣдить по твореніямъ его предшественниковъ. Не будь Кантемира, Ломоносова, Фонвизина, Державина, какъ замѣтилъ еще Бѣлинскій, не было бы и Пушкина. Онъ самъ это понималъ лучше кого бы то ни было и съ страстнымъ вниманіемъ изучалъ произведенія своихъ предшественниковъ, усваивая себѣ то, что было въ нихъ лучшаго. Ни одинъ критикъ не оцѣнилъ ихъ такъ вѣрно, такъ глубоко, такъ всесторонне, какъ Пушкинъ, и не только своими отзывами о нихъ, но и собственными своими произведеніями, которыя составляютъ удивительный по красотѣ и силѣ синтезъ всей русской поэзіи прошлаго вѣка. Родившись въ концѣ XVIII-го вѣка, онъ усвоилъ себѣ его духъ, его содержаніе, претворилъ ихъ въ своемъ геніальномъ умѣ, и на этой исторической почвѣ воздвигъ зданіе собственной поэзіи. Никто лучше его не понялъ прошлаго нашей родины, а вмѣстѣ съ тѣмъ понять самого Пушкина можетъ только тотъ, кто знаетъ ея прошлое, кто вдумчиво къ нему относится, какъ нельзя понять современную русскую жизнь, не вдумавшись въ прошлое нашего отечества. Для оцѣнки значенія Пушкина нельзя брать ту или другую критическую, философскую или эстетическую теорію, всѣ эти, такъ-называемыя, послѣднія слова мнимой науки или философіи, надо занять другую точку зрѣнія, — историческую, потому что самъ Пушкинъ—одно изъ великихъ созданій нашей исторической жизни.

Пушкинская муза глубоко коренится въ прошломъ нашей исторіи и литературы и, только питаясь соками нашей народной жизни, она могла превратиться въ могучее, вѣтвистое, широко раскинувшееся дерево. Отъ ствола этого дерева пошли многочисленные побѣги, сами превратившіеся постепенно въ мощныя вѣтви, изъ которыхъ каждая по силѣ и величинѣ равняется доброму дереву. Мы всѣ знаемъ эти вѣтви. Это — Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, Полонскій, Майковъ, Фетъ, Толстой. Пушкинъ своими произведеніями намѣтилъ тѣ пути, по которымъ пошла вся дальнѣйшая русская литература. Нѣтъ въ ней теченія, которое не было бы ясно указано или намѣчено Пушкинымъ.

Современная русская литература съ самаго начала представляетъ два широкихъ русла, которые можно назвать литературою обличительною и литературою патріотическою: первая съ поразительною глубиною анализа разоблачала несовершенства нашего общества, вторая вдохновенно вѣрила въ могущество и силу Россіи. Это—дѣти одной и той же матери: глубокой любви къ родинѣ. Кантемиръ и Ломоносовъ, Фонвизинъ и Державинъ,—главные представители этихъ двухъ теченій въ прошломъ вѣкѣ. Въ началѣ нынѣшняго они сливаются въ Пушкинѣ, въ которомъ патріотическая нота звучитъ такъ же сильно, какъ и обличительная. Авторъ «Бородина» и «Клеветникамъ Россіи»—въ то же время и авторъ «Евгенія Онѣгина», и намъ трудно опредѣлить, въ чемъ сила Пушкина проявилась ярче,—въ произведеніяхъ ли, въ которыхъ выражено сознаніе внѣшняго могущества и внутренней силы Россіи, или въ тѣхъ, въ которыхъ онъ раскрываетъ язвы нашего общества.

Послѣ Пушкина ни одинъ писатель уже не занялъ того центральнаго положенія въ нашей литературѣ, какое занялъ Пушкинъ. Въ немъ два широкихъ теченія слились; послѣ него они опять разъединились, образуя много рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ. Глубокая вѣра въ могущество и силу Россіи имѣла своихъ глашатаевъ; изученіе русской дѣйствительности со всѣми ея несовершенствами также нашло своихъ знаменитыхъ представителей. Патріотическая и обличительная литература приняла новую форму славянофильской и западнической, но сущность осталась та же. Если никто не далъ болѣе яркаго, полнаго и художественнаго выраженія чувствамъ, воодушевлявшимъ славянофиловъ, то никто не превзошелъ Пушкина и въ глубинѣ анализа современной ему русской жизни. Кому принадлежатъ стихи:

Сильна ли Русь?—Война и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали—
Смотрите жъ: все стоитъ она,
А вкругъ нея волненья пали.

А кому принадлежатъ слѣдующіе стихи:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца...

У кого вырвались изъ глубины души вѣщія слова:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Если Пушкинъ изучилъ прошлое Россіи, если онъ вынесъ изъ этого изученія глубокую вѣру въ ея могущество и силу, то онъ съ другой стороны необычайно ясно видѣлъ ея несовершенства и съ страстнымъ вниманіемъ изучалъ ихъ, оставивъ намъ такую яркую картину внутренней несостоятельности даже самыхъ образованныхъ русскихъ людей, каковъ его «Онѣгинъ»...

Онѣгинъ! Сколько мыслей, и чувствъ слились для русскаго человѣка въ этомъ названіи. Вѣдь Онѣгинъ,—этотъ романъ въ стихахъ—первоисточникъ всей современной русской беллетристики—властительницы нашихъ думъ въ лицѣ Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, Толстого. Пушкинъ своимъ «Онѣгинымъ» положилъ краеугольный камень тому зданію, которое своею красотою, человѣчностью, глубиною анализа, высокою нравственностью изумляетъ теперь весь цивилизованный міръ. Достоевскій говоритъ о «великомъ скитальцѣ» Пушкинѣ, какъ о пророческомъ явленіи нашей общенародной жизни. Русская душа въ своихъ скитаніяхъ ищетъ правды: правды общественной, правды народной, правды обще-человѣческой. И это скитаніе русской души выразилось въ Пушкинѣ съ изумительною силою...

И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще неясно различалъ.

Это говоритъ Пушкинъ о своемъ «Онѣгинѣ». Но, Боже мой, какъ на самомъ дѣлѣ онъ ясно уже различалъ сквозь магическій кристаллъ своей фантазіи безконечную даль и ширь русскаго романа! И если онъ, какъ сынъ прошлаго вѣка, умѣлъ объединить въ себѣ самые яркіе лучи ломоносовской и державинской поэзіи на ряду съ самыми яркими лучами творчества Кантемира и Фонвизина, то онъ съ другой стороны собралъ всѣ эти лучи въ одинъ яркій свѣточъ. Мотивы геніальныхъ произведеній Гоголя были непосредственно задуманы самимъ Пушкинымъ. Кто не усмотритъ въ Адуевыхъ, Обломовѣ, Райскомъ духовныхъ чадъ Онѣгина и Ленскаго? А тургеневскіе «лишніе люди», а князь Нехлюдовъ или Левинъ величайшаго современнаго русскаго писателя, Толстого? Кто можетъ, хотя бы на минуту, усомниться, что между всѣми этими типами и Онѣгинымъ существуетъ прямая преемственная связь?

А образъ Татьяны? Понялъ ли кто-нибудь глубже русскую женщину,—скромную русскую женщину, душа которой жаждетъ самоотверженія и подвига? Возьмите Лизу или Елену Тургенева, или Вѣру Гончарова и спросите себя,—въ чемъ заключается ихъ нравственная красота, то неотразимое обаяніе, которыми онѣ для насъ окружены? Развѣ Татьяна не ихъ первообразъ, развѣ въ душѣ Татьяны не кроется уже тотъ неистощимый запасъ добра, которое производитъ такое чарующее и душу возвышающее впечатлѣніе въ образахъ Лизы и Елены или Вѣры?

Русская литература во второй половинѣ текущаго столѣтія сосредоточила лучшія свои силы на общественномъ романѣ. Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой разрабатывали и разрабатываютъ именно этотъ родъ словесности,— а кто указалъ имъ путь, какъ не Пушкинъ, кто понялъ значеніе общественнаго романа глубже, чѣмъ онъ? Критики часто указываютъ на байронизмъ Пушкина. Но можно-ли сильнѣе осмѣять именно байроновское направленіе, чѣмъ это сдѣлано Пушкинымъ въ его «Цыганахъ» и особенно въ его «Онѣ-

гинѣ»? Алеко, этотъ грозный обличитель общественныхъ золъ, «для себя лишь хочетъ воли», но представителемъ истиннаго свободолюбія и общественной справедливости является не онъ, а старый цыганъ. Евгеній Онѣгинъ предается міровой скорби, хандритъ, скучаетъ, не находитъ себѣ ни удовлетворяющей его умственной пищи, ни настоящаго дѣла. Но не онъ истинный герой романа, а безпритязательная, скромная Татьяна, которая вся отдается чувству нравственнаго долга и совершаетъ незамѣтный, но истинный подвигъ.

Вспомнимъ «Дубровскаго». Что такое этотъ романъ по существу своему, если не первообразъ въ русской литературѣ того безконечнаго ряда романовъ, повѣстей и очерковъ, въ которыхъ бичуется барскій произволъ, взяточничество, невозможность для личности отстоять законнымъ порядкомъ свои права. Скажемъ больше: если устранить форму, то мы въ «Дубровскомъ» видимъ первообразъ всѣхъ русскихъ беллетристическихъ произведеній, въ которыхъ изображается борьба личности съ окружающими ее общественными условіями, т. е. первообразъ соціальнаго романа.

Всѣ остальные роды отечественной словесности также имѣютъ въ Пушкинѣ своего главнаго представителя. Русская поэзія, если бъ не имѣла Пушкина, лишилась бы лучшей своей красы. Мы не будемъ говорить о пушкинскомъ языкѣ. Онъ стоитъ до сихъ поръ такъ высоко, что можетъ считаться образцомъ силы, чистоты и художественности. «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ... Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу». Это сказалъ Тургеневъ. Но если русскій языкъ служилъ утѣшеніемъ и опорою лучшимъ русскимъ людямъ, если они почерпали въ немъ вѣру въ свѣтлое будущее и въ силу Россіи, то кому они этимъ больше обязаны, чѣмъ Пушкину? Не онъ создалъ русскій языкъ, но онъ уловилъ его духъ такъ, какъ никто, и, какъ никто, онъ далъ намъ почувствовать его силу и красоту. Къ самому Пушкину болѣе, чѣмъ къ кому-либо изъ русскихъ поэтовъ, мы можемъ примѣнить собственныя его слова:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Струны, звучащія на его лирѣ, такъ многообразны, что не знаешь, какой стороны русской жизни или какихъ движеній человѣческой души онѣ не затрогиваютъ. Его лирика не только достигла необычайнаго совершенства по формѣ,—совершенства, остающагося до сихъ поръ недосягаемымъ, но по содержанію своему охватила всю русскую жизнь со всѣми ея теченіями. Въ ней воплотились, какъ мы видѣли, и мощь Россіи, и скорбь ея; она раскрыла намъ съ необыкновенною полнотою душу русскаго человѣка, чуждающуюся всего неяснаго, лживаго, туманнаго, преданную общественной правдѣ. Сознаніе государственности звучитъ въ ней могучими аккордами. Пушкинъ, какъ никто, сознавалъ великое историческое значеніе государства для русской жизни; не менѣе вѣрилъ онъ въ силу русскаго народа, сказанія и бытъ котораго онъ изучалъ съ неослабнымъ рвеніемъ и воплотилъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, не только замѣчательно художественныхъ, но и свидѣтельствующихъ о томъ, какъ глубоко онъ проникъ въ народную душу. Всякая строчка его стиховъ служитъ доказательствомъ его громадной начитанности, его обширныхъ знаній историческихъ, философскихъ, литературныхъ. Онъ до тонкости изучилъ русскихъ и иностранныхъ писателей, и конечно, тотъ, кто знакомъ съ произведеніями Пушкина, не нуждался въ изданныхъ недавно «Запискахъ Смирновой», чтобы убѣдиться, что людей съ болѣе широкимъ образованіемъ, чѣмъ Пушкинъ, на Руси не было. Такимъ образомъ въ немъ слились и получили небывалое по художественной красотѣ выраженіе мысли и чувства его предшественниковъ и современниковъ, и смерть его обратила впервые вниманіе всего образованнаго міра на русскую литературу.

При такомъ геніальномъ умѣ, при такой творческой силѣ (не забудемъ, что Пушкинъ началъ и окончилъ такое грандіозное произведеніе, какъ «Полтава», менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, что онъ 15-ти-лѣтнимъ юношей сочинилъ произведеніе, которое сдѣлалось народною пѣснью, что въ томъ возрастѣ, когда другіе еще учатся, онъ былъ уже крупнымъ писателемъ, извѣстнымъ всей образованной Россіи),—при такомъ широкомъ образованіи, Пушкинъ не могъ не быть и глубокимъ цѣнителемъ чужихъ произведеній. Его критическія замѣтки, его журнальныя статьи обличаютъ въ немъ такого многосторонняго и глубокаго критика, что и въ этомъ отношеніи его слѣдуетъ причислить къ самымъ выдающимся нашимъ писателямъ. Онъ многое подсказалъ лучшему нашему критику и восторженному его поклоннику, Бѣлинскому, и одинъ изъ первыхъ понялъ его значеніе для русской литературы. Задумывая журналъ, Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ привлечь его въ сотрудники.

Словомъ, нѣтъ той области, въ которой онъ не проложилъ бы новаго пути или не указалъ бы на него. Лирика, романъ, историческая драма, сатира, критика,—все это имѣло въ Пушкинѣ усерднаго работника и геніальнаго представителя. Какъ писатель, сознающій свой долгъ передъ обществомъ, Пушкинъ стоитъ также неизмѣримо высоко. Никто глубже его не понималъ призванія писателя.

Ты—царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

* * *

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ—свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

* * *

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Какъ ни тяжела была внѣшняя жизнь Пушкина, онъ ставилъ литературу выше всего, любилъ ее больше всего и никогда не измѣнялъ истинному призванію писателя.

Но если Пушкинъ усвоилъ себѣ все, что было лучшаго въ русской литературѣ прошлаго вѣка, если онъ такъ глубоко понялъ русскую жизнь и душу русскаго человѣка, если творчество его было такъ многосторонне, что одинъ изъ лучшихъ его учениковъ могъ о немъ сказать:

На Руси онъ, какъ Россія,
Всеобъемлющъ и великъ,

если онъ является родоначальникомъ всей современной русской литературы, если его дѣйствительно можно уподобить могучему дереву, своими корнями далеко ушедшему въ прошлое Россіи и своими сильными вѣтвями поддерживающему все зданіе современной русской литературы, то не правы ли и Гоголь, и Тургеневъ, и Достоевскій въ своей оцѣнкѣ значенія Пушкина? Онъ — поэтъ и больше ничего; онъ приблизился къ самому средоточію русской жизни; значеніе его пророческое. Да, онъ—поэтъ, онъ—писатель въ истинномъ значеніи этого слова; никто глубже его не понялъ русской жизни, потому что онъ въ своихъ дивныхъ произведеніяхъ сумѣлъ выразить сокровеннѣйшія ея думы; ни одинъ писатель на Руси не имѣлъ такого пророческаго значенія, потому что вся новѣйшая русская литература вступила на путь, указанный Пушкинымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ получаетъ значеніе національнаго поэта. Надо стать на почву исторической жизни нашего народа, проникнуться его стремленіями, его упованіями, чтобы понять и оцѣнить Пушкина: онъ самъ стоялъ такъ близко къ русской жизни, что всякій, кто съ своей стороны къ ней приблизился, тотчасъ же пойметъ Пушкина и полюбитъ его музу, какъ родную, безъ которой и дышать, и жить нельзя. Если «въ нашихъ сомнѣніяхъ и раздумьяхъ о родинѣ поддержкою и опорою намъ служитъ русскій языкъ», то поддержкою и опорою служитъ намъ и Пушкинскій стихъ, столь же великій, могучій, правдивый и свободный; если нельзя не вѣрить, что русскій языкъ данъ великому народу, то и нельзя не вѣрить, что только великій народъ могъ дать Пушкина.

